

Л. Б. Михайлова

**РЕЛИГИОЗНЫЕ
ТРАДИЦИИ МИРА**
ИУДАИЗМ, ХРИСТИАНСТВО,
ИСЛАМ

Учебное пособие

просвета

Москва
2013

Л. Б. Михайлова
**Религиозные традиции мира: иудаизм,
христианство, ислам. Учебное пособие**

*Материал предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8716177*

*Михайлова Л. Б. Религиозные традиции мира: иудаизм, христианство, ислам: Учебное пособие:
Прометей; Москва; 2013
ISBN 978-5-7042-2423-5*

Аннотация

Пособие знакомит студентов с религиозными традициями иудаизма, христианства и ислама – трех монотеистических религий, являющихся неотъемлемой частью мировой культуры. Целью этого пособия является попытка создания целостного образа, отражающего суть, основу вероучения и культовой практики, культуuroобразующую значимость и аксиологическую направленность этих религий.

Учебное пособие предназначено для студентов МПГУ, изучающих религиоведческие дисциплины «История религии», «История и теория религии», «Религиоведение», «Мировые религии».

Содержание

Введение	4
Раздел I	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Вера в единого Бога	14
Человек как «венец творения»	15
Завет как принцип отношений человека и Бога	15
Идея богоизбранности	16
Закон	17
Мессиянство и эсхатология	18
Философско-рационалистический иудаизм	19
Мистический иудаизм	20
Глава 3	25
Танах, или Ветхий Завет	25
Тора, или Пятикнижие	26
Бытие	26
Исход	28
Левит	29
Числа	29
Второзаконие	29
Невиим, или Пророки	30
Ранние пророки	30
Поздние пророки	32
Книга Исаяи	32
Книга пророка Иеремии	33
Книга пророка Иезекииля	33
Кетувим, или Писания	34
Книга Псалмов (Псалтырь)	35
Песнь Песней	35
Книга Екклесиаста	36
Книга Иова	37
Книга Притчей Соломоновых	38
Книга пророка Даниила	38
Талмуд	41
Глава 4	44
Скиния – Иерусалимский храм – Синагога	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Л. Б. Михайлова

Религиозные традиции мира

Иудаизм, христианство, ислам

Учебное пособие

Введение

Религия – неотъемлемая часть мировой культуры, без изучения которой невозможно обойтись в современном мире. Религиозная традиция – это особый код культуры, особый язык – живой, развивающийся и изменяющийся. Поэтому не удивительно, что знакомство с религиями столь часто уподобляют изучению других языков. Узнавание иных языков, в том числе «языков культуры», вовсе не предполагает утраты или отказа от своего собственного. Напротив, оно приводит к более глубокому пониманию себя и стремлению понимать других. Давно ставшее банальным философское суждение о том, что именно присутствие «другого», взгляд «другого» делает возможным осознание и восприятие себя – краеугольный камень современного религиоведческого дискурса. Методы сравнительного анализа, применяемые религиоведением к исследованию религиозных традиций, – это не просто способ лучшего усвоения матричных особенностей различных религий, это еще и попытка встать на позиции «другого», увидеть мир в рамках «иного зрения». Поэтому язык религиоведения – это язык непрерывного диалога, главные черты которого – корректность и толерантность – уместны в любом общении, особенно значимы там, где затрагиваются сокровенные пласты человеческой культуры.

Только диалог готовых слушать и слышать друг друга собеседников, позволяет понять, что за непохожими и многообразными формами существования мировых религиозных традиций скрывается единый и единственный мир человеческого бытия. Любая претензия на эксклюзивизм, неразрывно связывающая уверенность в собственной правоте с убеждением в ошибочности всех остальных взглядов, неизбежно ведет по опасному и разрушительному пути. Непредвзятый подход к изучению разных религий, напротив, позволяет «увидеть» и «услышать» тот многоликий и многоголосый океан религиозных традиций, в далеких глубинах которого гармонии, согласия и преемственности гораздо больше, чем столь заметных на поверхности вражды и противостояния.

Предлагаемое учебное пособие призвано познакомить студентов с религиозными традициями иудаизма, христианства и ислама. Целью этого пособия является не столько последовательное изложение богатейшей истории становления основных монотеистических религиозных традиций мира (хотя это, безусловно, одна из необходимых составляющих), сколько создание целостного образа, отражающего суть, основу вероучения и культовой практики, культуруобразующую значимость и аксиологическую направленность этих религий.

Некоторые предварительные замечания общерелигиоведческого и историко-культурологического характера, объясняющие основные термины, понятия, типологические принципы анализа и логику изложения материала, помогут читателям погрузиться в контекст религиоведческого исследовательского пространства.

Латинское слово *religio*, при всей этимологической поливариантности, чаще всего связано с двумя смысловыми значениями: «святыня» и «связь». И то, и другое слово указывают на существенные черты этого социокультурного феномена. Религия – это, прежде всего, осо-

бый тип мировоззрения, основой которого является религиозная вера. Понятия «религия» и «вера» близки, но не тождественны. Также как не тождественны понятия «вера» и «религиозная вера». Вера вообще – это неотъемлемая часть познавательного процесса, предполагающая признание истинными суждений, не имеющих достаточных оснований и доказательств. Вера – это акт выбора, произвольного решения, а не следствие умозаключения. Религиозная вера – только один из возможных типов веры, наряду с философской верой, научной верой и другими.

В чем же заключается специфика религиозной веры? Попробуем выделить ее основные черты.

1. Убежденность в реальном существовании высших иноприродных (сверхъестественных) сил, определяющих характер бытия мира и человека. Сверхъестественное – это нечто, выходящее за рамки чувственно воспринимаемого мира, не подчиняющееся его законам и выпадающее из цепи причинных связей и зависимостей. То, что в контексте религиозного понимания часто называют божественным, абсолютным, нуминозным, трансцендентным и т.д. То бесконечное, с чем (или с кем) устанавливается «вертикальная» связь, выводящая человека за пределы конечного бытия.

2. Уверенность в актуальной или потенциальной диалогичности отношений между человеком и высшими иноприродными силами. Какой бы религиозно позиционированный термин мы ни взяли – «молитва», «откровение», «жертвоприношение», «служение» и т.д. – в каждом из них обозначена эта диалогичность.

3. Экзистенциальная значимость этих убеждений. Религиозная вера дает ответы на самые важные вопросы о жизни и смерти, о свободе и несвободе, о смысле и предназначении человеческого бытия.

4. Эмоционально-чувственное переживание сверхъестественного. Любовь, восхищение, страх, ужас – пожалуй, нет такого чувства или эмоции, которые не были бы вовлечены в сферу религиозного переживания.

5. Аксиологические установки, выраженные в приоритетной системе ценностей, идеалов и норм. В религиозных типах культуры религиозные ценности доминируют и определяют все остальные нормативные установки, превращая их в религиозно-этические, религиозно-эстетические, религиозно-правовые и т.д.

Когда религиозная вера выходит за рамки отдельной личности, она становится религией, то есть организованной и организующей верой определенного сообщества. В этом смысле религия – это социализированная вера, способствующая установлению не только «вертикальных», но и «горизонтальных» связей людей, принимающих эти общие религиозные убеждения.

Религиозная вера – необходимая, но не исчерпывающая составляющая религии. Религия невозможна без культовой практики – особого вида религиозной деятельности, актуализирующей переживание религиозных идей и диалогических отношений. Осуществление культовой практики реализуется, прежде всего, в коллективных или индивидуальных ритуально-обрядовых действиях. Таким образом, в структуре любой религиозной традиции можно выделить три составляющих: область вероучения, сферу культовой практики и формы организации религиозного сообщества.

Исторически религия берет свое начало в неразделимой целостности первобытной культуры. Основа этого типа культуры – мифологическое мышление. Первобытный человек еще не выделял себя из окружающего мира (как природного, так и социального) и вследствие этого уподоблял себя миру, а мир – самому себе (например, персонификация и антропоморфизация природы). Для мифологического мышления характерна синкретичность – изначальная нерасчлененность, нераздельность. Традиционные для последующих типов мировоззрения бинарные оппозиции – субъект и объект, происхождение и содержание, имя и сущность

и т.п. – в мифе еще не сложилась. По сути, основная специфика мифологического сознания и состоит в этом неразличении вещи и образа, тела и свойства, «начала» и принципа.

Невыделенность человека из мира природы и синкретичность мышления предопределили специфику складывающихся в этот исторический период ранних форм религиозных верований: фетишизма, тотемизма, магии и анимизма. И вместе с тем, именно в этих формах уже намечается первое очевидное противопоставление: «сакральное» (священное) – «профанное» (обычное, повседневное). Именно эта оппозиция станет основополагающей в последующем процессе формирования религиозного мировоззрения.

Первобытный фетишизм (от португал. *feitiço* – *магическая вещь*) подразумевает наделение материальных предметов – фетишей сверхъестественными свойствами. Почитание фетишей (столбов, камней и других предметов) свидетельствует о переходе от непосредственно-вождедеющего к опосредованно-трудоному, магическому отношению к миру.

Тотемизм (происходит от слова «тотем», что в переводе с языка индейского племени оджибве означает *его род*) – представление о том, что каждое племя (или группа племен) состоит в кровнородственной связи с тем или иным природным объектом-тотемом: животным, растением, реке – природным явлением. Тотемное животное осознается в качестве первопредка племени, способного оказывать влияние на судьбы людей. Союз с ним периодически подкрепляется магическими обрядами, которые фиксируют взаимные обязательства: убийство тотемного животного, использование его мяса в пищу и даже произнесение его имени, как правило, табуируется.

Определяющее значение имеет магия (от греч. *mageia* – *волшебство*) – обряды и ритуальные практики, в основе которых лежит мифологическое представление о возможности взаимодействия с миром сверхчувственного посредством определенных символических действий и вербальных формул с целью достижения конкретных эмпирических результатов.

Еще одной формой первобытных верований является анимизм (от лат. *anima* – *душа*) – представление о всеобщей природной одушевленности. К распространенной в первобытной культуре системе представлений, согласно которой душа связывается с конкретным отдельным ее носителем (человеком, животным, предметом, растением), со временем добавляется представление об автономности души (культ предков, идеи загробного мира, переселения душ и т.д.) и духах – самостоятельных существах, способных влиять на различные предметы. Дальнейшая трансформация анимизма породила полидемонизм. На стадии позднего родоплеменного строя из полидемонического комплекса мог быть особо выделен один дух (как правило, покровитель инициаций), который постепенно превращался в главного племенного бога. Власть и могущество племенных богов не выходили за пределы оберегаемого ими сообщества.

Фетишизм, тотемизм, магия и анимизм – типические формы ранних религиозных верований. Они практически никогда не существовали в чистом виде, но самым причудливым образом комбинируясь и переплетаясь, порождали многообразие родоплеменных культов.

Со временем ранние формы религиозных верований не только были усвоены сменяющимися их более поздними религиями, но и сохранились в околорелигиозном культурном пространстве в виде предрассудков и суеверий.

На смену родоплеменным религиям в эпоху становления классового общества и формирования первых государств, пришли религии этно-национальные. Самые ранние из них – религии древних цивилизаций. В этот исторический период в результате слияния различных архаических культов и контаминации (лат. *contaminatio* – *смешение*) разных, первоначально несвязанных друг с другом мифов, появились новые религиозные системы политеистического типа. В древних культурах Египта, Месопотамии, Индии, Китая формируются политеистические пантеоны – сложные системы больших и малых богов, между которыми устанавливаются связи (в основном природные, то есть родственные, супружеские) и отно-

шения (как правило, иерархические). Религиозная мифология объясняет не только социальную реальность (систему власти, структуру общества, основные принципы правовых и этических отношений), но и весь порядок мироздания. Эпоха великих цивилизаций древности завершается в поворотный момент истории – в «осевое время» (К. Ясперс), время радикальной трансформации, когда существующие религиозно-культурные системы должны будут либо уйти с исторической арены, либо радикально измениться. «Осевое время» – это время духовного рождения человечества, когда в разных концах мирового культурного пространства почти одновременно возникли философские и религиозно-этические учения, проповедовавшие новые ценности, настолько глубокие и универсальные, что они остались актуальными и по сей день.

В этих осевых культурах, сформировавшихся в середине первого тысячелетия до н.э., культуuroобразующую функцию выполнили новые, выделившиеся из архаического культурного единства формы. Для Греции эту роль сыграли философия и искусство, для Рима – политика и право. В других культурах осевого времени доминирующей оказалась роль религии. Именно религиозные идеи и практики стали двигателем духовных перемен «осевого времени»: китайскую культуру изменили конфуцианство и даосизм, индийскую – буддизм и джайнизм, развитие древнеиранской культуры определил зороастризм, а древнееврейской – иудаизм. Появление в I в. н.э. христианства, а в VII в. – ислама завершило формирование базовых религиозно-культурных парадигм, определивших облик современного мира.

Не пытаясь «объять необъятное», мы уделим внимание лишь некоторым из них: одной этнонациональной религии – иудаизму и двум мировым – христианству и исламу. Этот выбор не является случайным. Иудаизм, христианство и ислам представляют собой определенную историко-культурную целостность. Что объединяет эти религиозные традиции?

Во-первых, типологическое единство. Иудаизм, христианство, ислам – монотеистические религии, опирающиеся на принцип теоцентризма.

Во-вторых, генетическое родство. Называя себя «авраамическими» религиями, каждая из этих религиозных традиций не просто возводит свою историю к общему прародителю, но и провозглашает общий идеал подлинной веры – «Авраамову веру».

В-третьих, онтологическое сходство. Иудаизм, христианство и ислам считают себя религиями «Откровения», то есть такими религиями, основанием которых является «самораскрытие Бога».

В-четвертых, логоцентризм. Иудаизм, христианство и ислам – это религии «Слова». Священное писание является в этих религиозных традициях не только незыблемым смыслополагающим началом, но и началом формообразующим. Трудно переоценить ту роль, которая отведена в мировой культуре и истории иудейскому Танаху, христианской Библии и мусульманскому Корану.

Знакомство с миром иудаизма, христианства и ислама – занятие непростое, требующее усилий и терпения. Предлагаемое учебное пособие призвано помочь студентам в процессе освоения учебного материала.

Не будем забывать, что задачей религиозоведческих учебных дисциплин не может быть навязывание каких бы то ни было мировоззренческих принципов и оценочных установок. Выбор в пользу того или иного способа миропонимания принадлежит к области глубоко личностных и сокровенных решений. Но материал, темы для размышлений, широкий спектр знаний, делающих этот выбор возможным и осмысленным – должен быть предложен в процессе изучения богатейшего мира религиозных традиций.

Раздел I Иудаизм

Глава 1 История становления иудаизма

В истории становления иудаизма тесно переплетаются мифы и реальность. С одной стороны, библейские предания с их неизбежными мифическими подробностями по-прежнему остаются одним из основных источников по древней истории иудаизма. С другой стороны, сегодня, после того как Передняя Азия стала объектом исследования профессиональных историков и археологов, мы располагаем серьезными внебиблейскими свидетельствами, позволяющими увидеть в древнееврейской истории не только плоды народно-поэтического мифотворчества, но и достоверные факты древней истории Восточного Средиземноморья.

Предыстория Израиля, то есть рассказ о его происхождении и начальном периоде развития, изложена в виде библейских преданий о патриархах – Аврааме, Исааке и Иакове (Израиле) – предках израильского племенного союза. По библейскому преданию, как и по более позднему кораническому, Авраам считается предком не только израильских, но арамейских и арабских племен. Первое переселение иудеев из Месопотамии в землю Ханаанскую обычно связывается с именем Авраама и датируется предположительно серединой второго тысячелетия до нашей эры. Само понятие «ибри» (*перешедшие через реку*) относится к потомкам легендарного патриарха Авраама и не равнозначно еврейскому народу позднейших времен, хотя название это сохранилось именно за ним.

Новое переселение евреев из Месопотамии связано с именем Иакова. Среди библеистов существует мнение, что предание об Иакове как внуке Авраама, получившем волею Бога новое имя Израиль, скорее символ, чем отражение конкретной действительности. Это имя – Иаков (Израиль) – стало этнонимом, объяснявшим единство племенного союза родов или колен, которые как известно из месопотамских, финикийских и египетских источников именовали себя Бене-Израэль, то есть сыны Израиля.

Происхождение другого названия этого племенного союза – «иудеи» – связано с самым многочисленным и влиятельным племенем Иуды (согласно библейской традиции, так звали одного из двенадцати сыновей Иакова-Израиля). Со временем название «иудеи» распространилось на всех потомков еврейских племен¹.

Очевидно, что повседневная жизнь племенного союза была связана с занятием скотоводством: постоянно кочуя в поисках новых пастбищ, родовые семьи останавливались лишь на непродолжительное время. Жили они в небольших палатках из козьих шкур, натянутых на легкий деревянный остов. Такую палатку было нетрудно разобрать и снова отправиться в путь.

Приход народа Израиля в земли Ханаана – событие одновременно и библейское и историческое². В Библии это событие представлено как быстрое завоевание. Историки рассматривают его как длительный процесс. Вторжение евреев, осуществлявшееся несколькими

¹ В большинстве языков понятия «еврей» и «иудей» тождественны и обозначены одним термином. В русском языке эти понятия разделены: слово «еврей» обозначает этническую принадлежность, а «иудей» – религиозную.

² Первым упоминанием иудейского народа во внешних исторических источниках является надпись на стеле в Карнакском храме в Фивах, датируемая XIII в. до н.э.

волнами и сопровождавшееся серьезными разрушениями, изменили не только карту древней Передней Азии, но и сам еврейский народ. Пришедшие в Палестину евреи, превратившись из кочевников в оседлых земледельцев, постепенно ассимилировали значительную часть местного населения. Язык израильтян имел общие корни с ханаанейским, и это способствовало слиянию в одну народность завоевателей и покоренного населения.

Эпоха завоевания еврейскими племенами Ханаана и последовавший за этим период межплеменной раздробленности (XIII–XI вв. до н.э.) получил в иудейской истории название «время судей». В кочевые времена еврейское общество обходилось без постоянной сколько-нибудь развитой системы политического устройства. Управление осуществляли старейшины. В особых обстоятельствах отдельные племена или весь союз племен подчинялся выбранному или самозваному вождю – судье (шофету). Важную роль при этом играло религиозное единение. Но во «времена судей» единый прежде племенной союз, заселившись на обширной территории, оказался разрозненным. Многочисленные местные культы (политеистические по своему характеру) и множество религиозных центров не только ослабляли централизованное влияние, но и прямо угрожали религиозному и культурному единству. «Время судей» характеризуется в ветхозаветной литературе как период религиозной и политической анархии.

Под давлением внешних врагов, в первую очередь филистимлян, захвативших южные, прибрежные части Ханаана и претендовавших на общую гегемонию, в иудейском сообществе все более укреплялась мысль о необходимости твердой организационной структуры, способной обеспечить военное, политическое и религиозное единство. Без этого противостоять соперникам было невозможно. На стороне филистимлян было много преимуществ: они умели сражаться в строю, у них были специальные боевые колесницы, но, главное, они владели искусством изготовления железа. Иудеи уступали противнику во всем: они имели лишь бронзовое оружие и были разобщены делением на колена и соперничеством родов. Для того чтобы уцелеть в этом противостоянии, иудеям просто необходимо было объединение вокруг сильного авторитетного лидера, волевого руководство которого стало бы для всех общим законом, отодвинувшим на второй план все межплеменные разногласия. Все эти обстоятельства стимулировали процесс создания государства.

Первыми израильскими царями, объединившими иудейские племена в единое Израильско-Иудейское государство, иудейская история называет Саула, Давида и Соломона. Над каждым из них был осуществлен особый обряд «помазания», прежде совершавшийся только над священниками в качестве легитимации ритуального права на осуществление богослужения. Теперь же обряд «помазания» символизировал божественную санкцию на гражданскую власть. После возлияния на голову особого ароматического оливкового масла – «масла помазания» – избранник становился «машиахом» («помазанником Господа»), то есть истинным царем Иудейским.

Хотя первым царем был Саул, главная слава в истории иудейской государственности принадлежит **Давиду** и Соломону. Царь Давид занимает особое место в ветхозаветной истории и религии в качестве основателя Иерусалима – духовного центра Израиля. Он считается великим религиозным поэтом-псалмопевцем, основателем библейского мессианизма. С Давидом связывается представление об идеальном царе, которое проецируется и на будущую, пока не явившуюся божественную личность.

В годы правления сына Давида **Соломона** в Иерусалиме началось строительство первого иудейского храма Яхве. В середине X в. до н.э. он был освящен. Так в истории иудаизма начался храмовый период, продлившийся около 1500 лет. Жертвоприношения и другие постоянные ритуалы в храме осуществляли потомки Аарона – священники (коэны или когены) и их помощники (левиты). Со временем священники превратились в закрытую родовую касту, отделенную от остального народа целым рядом специальных ограничений.

Потомки коэнов до сегодняшнего дня соблюдают ряд особых ограничений: они не могут находиться под одной крышей с мертвым телом, не имеют права жениться на вдове, дочери нееврея, разведенной или принявшей иудаизм женщине и другое.

В конце X в. до н.э., после разделения на Иудейское (южное) и Израильское (северное) царства появились новые места жертвоприношений богу Яхве и другим богам ханаанских земель. Путь от иудейского генотеизма (почитания одного бога с признанием других богов) к монотеизму был уже явно обозначен, но еще не преодолен. Это станет возможным только после тяжелых испытаний вавилонского плена.

История иудейских государств IX–VII вв. до н.э. наполнена свидетельствами «вероотступничества». Во времена царя Ахава были попытки установить культ финикийских богов Ваала и Астарты. По распоряжению царя Манасии изображения этих богов были установлены в Иерусалимском храме. Кроме того, Манасия повелел приносить жертвы другому богу – Молоху, избрав для этого ущелье Геенном. Молоху полагалось приносить человеческие (часто детские) жертвы. Обреченных помещали внутрь медного быка, под которым разводили огонь. Не случайно это место со временем стало ассоциироваться с огненной пропастью ада.

Только во времена царя Иосии в 622–620 гг. до н.э. была проведена радикальная реформа религиозного культа.

Были уничтожены не только все жертвенники, посвященные другим богам, но и разрушены места поклонения Яхве в Вефиле, Дане и многих других городах. Результатом реформы стало провозглашение Иерусалимского храма единственным местом жертвоприношений, и, как следствие, возрастание роли Иерусалима в качестве центра всеобщего паломничества.

Как самостоятельные государства Израиль и Иудея просуществовали недолго. На протяжении трех веков на право обладать этими территориями претендовали Ассирия, Вавилон и Египет. После нескольких войн с Вавилоном в 586 г. до н.э. Иудейское царство прекратило свое существование. Войска вавилонского царя Навуходоносора захватили Иерусалим, предав его разрушению и огню. Первый храм Яхве погиб в пламени пожаров. Значительная часть населения была переселена на территорию Вавилона, а небольшая часть жителей осталась в провинции под управлением наместника. Так начался новый период древнееврейской истории, отмеченный, с одной стороны, политическими бедствиями вплоть до покорения иноземным завоевателям, а с другой стороны, – выступлением ветхозаветных пророков, которые, сообщив иудейской религии новый импульс, не только стремились влиять на ход истории еврейского народа, но и стали летописцами этой истории.

Прорицатели, предсказывающие будущее, имелись практически в любой древней культуре. Но иудейские пророки были больше чем прорицатели. Пророк в древнееврейском обществе – это не просто посредник, передающий слова божественного откровения, но и тот, кто стремится открыть людям глаза на абсолютный, установленный Богом смысл понятий добра и зла, праведности и греховности. Тот, кто активно включается в жизнь, обличая пороки без оглядки на титулы и отстаивая идеалы высшей справедливости. В пророческих словах Исаяи, Иеремии и Иезекииля, социальные беды, обрушившиеся на иудеев, провозглашались справедливым наказанием – неизбежным и неотвратимым. Но столь же неизбежным в пророческих речах представлялось и грядущее возрождение Израильского государства, центром которого станет новый Иерусалимский храм.

В 539 г. до н.э. Вавилонское царство было завоевано новым могущественным персидским государством во главе с царем Киrom. Взяв Вавилон без сражения и разрушений, он впоследствии своим эдиктом разрешил иудеям вернуться на родину предков. Иерусалиму был предоставлен статус самоуправяемого города, оказана материальная помощь и дано разрешение восстановить Иерусалимский храм. Возможно, одной из причин такого реше-

ния было стремление к созданию на границах империи лояльных к центральной власти зон как важных опорных пунктов в борьбе с врагами.

На протяжении VI–V вв. до н.э. продолжалось возвращение иудеев в Иерусалим, ставший символом социального, этнического и духовного возрождения. Новая община при храме была освобождена от налогов и повинностей, часть доходов провинции поступало на строительство города и нового храма. Но в восстанавливаемую храмовую общину принимали далеко не всех израильтян. Вожди возвратившихся из плена иудеев, прежде всего Ездра и Неемия, отказались признать иудеями тех, кто не был в вавилонском плену и, оставаясь в Палестине, не сохранил чистоту крови, смешавшись с другими народами. Отвергнутые иудеи стали называться самарянами или самаритянами.

Процесс организации иерусалимской храмово-городской общины, восстановления города и строительства Второго храма завершился к началу IV в. до н.э. В новом восстановленном храме впервые была введена практика регулярного публичного чтения Торы. Был создан особый орган – **синедрион**, называемый в Библии «собранием старейшин». Во главе синедриона, состоявшего из священников и представителей светской знати, стоял первосвященник Иерусалимского храма. В компетенцию синедриона входили вопросы внутреннего управления и некоторые судебные и политические полномочия, ограниченные римскими властями. Так, к примеру, вынесение смертного приговора синедриону было недоступно.

Период вавилонского плена не прошел бесследно для иудаизма как системы религиозных взглядов: иудеи соприкоснулись с зороастрийской религией, под влиянием которой в иудаизме появились представления о бессмертии души, аде и рае, ангелах и демонах, стало формироваться учение о сатане.

В 333 г. до н.э. Александр Македонский покорил Персидскую державу, и Иудея стала частью его империи.

Затем наступило время столетнего правления «македонских фараонов», когда все иудеи, независимо от территории их проживания, получили привилегии и пользовались гражданской свободой. Их охотно брали в наемные войска, ценя их верность данной клятве. В дела общины в Иерусалиме, возглавляемой первосвященником, египетское правительство не вмешивалось.

Этот период истории стал важным в культурном отношении. Иудеи вплотную соприкоснулись с эллинистической культурой, что вызвало разную реакцию в их среде. Одни это приветствовали, другие всячески препятствовали проникновению чуждых идей и выступали за изолированность и обособленность иудейского народа.

Тем временем между Птолемеями и Селевкидами шла постоянная борьба за влияние и территориальные владения. Селевкиды оказались более фанатичными эллинизаторами. Во времена правления Антиоха IV Эпифана стала проводиться политика неприятия и искоренения иудейских религиозно-культурных традиций. Из Палестины гонения перекинулись и на другие подвластные Антиоху Эпифану области.

Ответной реакцией было восстание 166–164 гг. до н.э., которое поднял старый священник Маттафия из священнического рода Хасмонеев, а затем возглавил один из его пяти сыновей Иуда, прозванный Маккавеем, что означает «молот». Это движение стало называться маккавейским. После того как воины Иуды захватили в 164 г. до н.э. Иерусалим, появился храмовый праздник Ханукка, с тех пор ежегодно отмечаемый иудеями (1 Мак. 4:36–61). Иуда погиб в борьбе, но его братья довершили дело: страна была освобождена, пришел конец религиозным притеснениям. Маккавейское восстание завершилось победой и обретением независимости на сто лет. Со временем Хасмонеем удалось основать царскую династию. Хасмонееи охотно перенимали греческие обычаи, сохраняя при этом основы иудейского религиозного культа. При их дворе привилегированное положение занимала политическая партия **саддукеев**, состоявшая из представителей жреческой аристократии. Большинство

священников Иерусалимского храма и члены Синедриона были саддукеями – иудеями, для которых и Библия, и религиозный культ, осуществлением которого они занимались, служили в первую очередь символом национальной идентичности. Стремление примирить Тору с требованиями времени обусловило интерес саддукеев к греческой философии и попытки рационалистической интерпретации Священного писания. Не придавая большого значения обрядам и рассматривая их скорее как многовековую традицию, саддукеи скептически относились и к вере в ангелов и демонов, и к существованию загробного мира и посмертного воздаяния. По мнению саддукеев, душа так же смертна, как и тело. Столь же отрицательным было отношение к появляющимся в это время мессианским и эсхатологическим идеям и настроениям.

Наиболее многочисленным течением в иудаизме кризисной эпохи было фарисейство. **Фарисеи**, или «отделенные», в отличие от саддукеев, были, как правило, не священнического происхождения. Это простые люди, часто мелкие ремесленники. Фарисеями они были названы за свое стремление к постоянному изучению Закона, точному выполнению всех религиозных обрядов и предписаний Торы и за презрительное отношение к тем, кто не мог соблюсти всех тонкостей усложненной иудейской обрядности. Фарисеи были убеждены, что для тех, кто не знает Закона, спасение не возможно. Исповедуя веру в Бога, управляющего жизнью каждого человека, в воскресение мертвых, в ад и рай, фарисеи настаивали на подтверждении веры нерушимостью и обязательностью соблюдения абсолютно всех предписаний Торы. Порой это приводило к подмене веры показным благочестием.

Период иудейской независимости длился около ста лет. В 60-е гг. I в. до н.э. Рим повел наступление на Восток. В 63 г. до н.э. Иудея стала римской провинцией, римляне стали собирать с подвластного населения дань. И хотя религиозной жизни общины римское управление напрямую не касалось, полновластными хозяевами страны были римские ставленники, такие как Ирод Великий (37–4 гг. до н.э.). Яркую характеристику этому историческому деятелю дал Иосиф Флавий, отмечавший, что главной страстью царя было неуемное тщеславие. Ирод старался во всем превзойти соседних правителей и тем самым доказать Риму, что достоин царского звания. Он восстанавливал города, строил крепости, дворцы, ипподромы, полностью реконструировал Иерусалимский храм, в дар которому сам император Август присылал драгоценные сосуды. Огромные расходы ложились на плечи народа, но царь вовремя успевал снижать налоги и успокаивать недовольных, а в неурожайные годы снабжать население импортным хлебом.

В эти времена в народе все большую популярность стали завоевывать **зелоты** (греч. – *ревнител*) – люди, для которых религия стала социальной доктриной, национально-освободительной идеологией. Зелоты выступали против римского владычества и иудейской знати, шедшей на компромисс с Римом. Опираясь на самые радикальные высказывания пророков об избрании Израиля для господства над другими народами и о приходе Мессии для освобождения своего народа, зелоты призывали следовать не форме Закона, а его сути – осуществлению особой миссии, возложенной на иудеев Богом. Нужно не пассивно ждать прихода Мессии, считали зелоты, а сражаться за свои идеалы с оружием в руках (поэтому римляне и называли их сикариями – *кинжальщиками*).

Воспользовавшись обострением кризисных тенденций после смерти императора Нерона, зелоты подняли в 66 г. н.э. восстание в Иудее. Восставшие, среди которых наиболее решительными оказались крестьяне и рабы, уничтожили римский гарнизон в Иерусалиме и захватили там власть, нападая на римлян и местную аристократию. Римляне в свою очередь жестоко расправлялись с зелотами и сикариями, вызывая своими действиями еще большую ненависть. В стране усилились антиримские настроения, религиозный фанатизм, мессианские ожидания божественного освободителя.

Подобно восстанию Маккавеев, антиримское движение стало и борьбой за национальную независимость, и сражением за религиозные убеждения, и гражданским противостоянием. Так началась кровопролитная Иудейская война 66–73 гг., подробно описанная иудейским историком Иосифом Флавием.

В 70 г. римская армия приступила к осаде Иерусалима, в котором по случаю праздника Пасхи собралось большое количество богомольцев. С большим трудом и серьезными потерями римлянам удалось завладеть городом. Особенно яростно, в продолжение нескольких дней, иудеи обороняли Иерусалимский храм. В итоге Иерусалим был полностью разрушен, а жители казнены или проданы в рабство.

В годы правления римского императора Адриана (117–138 гг.) Иерусалим, отстроенный заново и переименованный в Элия Капитолина, стал языческим городом, закрытым для евреев. На месте Иерусалимского храма приносились жертвы Юпитеру. Еще на протяжении 70 лет огонь борьбы то усиливался, то затухал, пока не вспыхнуло новое восстание под руководством Бар-Кохбы (Сын Звезды), провозгласившего себя мессией.

Восстание 132–135 гг. закончилось тяжелым поражением и вновь вызвало массовую эмиграцию во многие города Римской империи и за ее пределы, туда, где существовали еврейские общины.

В условиях **диаспоры** (*рассеяния*) жреческое сословие фактически утратило свое значение. Осуществление жертвоприношений и храмовых богослужений стало невозможным. Единственным символом иудейской религии остался священный текст Торы.

Чтение и толкование Торы стало главной формой богослужений в общественных собраниях иудеев – **синагогах**. Духовное и фактическое руководство в иудейских общинах было возложено на **раввинов** – учителей и знатоков Торы. Так в истории иудаизма началась новая – раввинистическая эпоха. В результате многолетней деятельности таннанеев (законоучителей) и на основе многочисленных комментариев к Торе в иудаизме сформировалась талмудическая традиция. Сборник обширных комментариев – Талмуд, названный «устной Торой» – стал, по сути, вторым источником вероучения и занял в иудаизме место Священного предания, фиксирующего традиции, обряды, принципы и правила жизни – единые для всех иудеев.

Волею своей исторической судьбы иудеи оказались в разных культурных мирах: в Испании, Хазарском каганате, Йемене, Индии и других странах. Так возникли общины ашкеназских (германских) и сефардских (испанских и восточных) евреев. Появились эфиопские фалаши, китайские иселони и другие иудейские этноконфессиональные общины.

Культура каждой страны оказывала на них влияние, они говорили и писали на разных языках, но, несмотря на это, стремились к сохранению своих религиозных традиций. Иврит оставался общим для всех языком священных книг, языком религии. Тора и Талмуд по-прежнему определяли жизнь каждого иудея. Конечно же, общей оставалась объединяющая всех иудеев история. Древняя история одного народа, неотделимая от библейской священной истории, значимой для всего человечества.

Контрольные вопросы

1. Кого в иудейской традиции называют «патриархами»?
2. Где и когда появилось первое иудейское государство?
3. Что изменилось в иудаизме в результате реформ царя Иосии?
4. Какая роль в процессе становления иудаизма отведена «вавилонскому плену»?
5. Как повлияло на иудаизм соприкосновение с эллинистической культурой?
6. Кто такие саддукеи, фарисеи и zeloty?
7. Как изменился иудаизм после разрушения второго Иерусалимского храма?

Глава 2

Вероучение иудаизма

Религиозные представления древнееврейского народа складывались на протяжении многих веков. Длительный процесс переработки шумерских, вавилонских, египетских, древнеиранских, общесемитских религиозно-мифологических представлений и создания на этой основе собственной религиозно-обрядовой системы привел к появлению иудаизма – религии, в рамках которой история одного народа превратилась в священную историю человечества.

Свое название иудаизм получил по имени племени Иуды – самого многочисленного и наиболее влиятельного в структуре древнееврейского племенного союза, сложившегося к середине II тысячелетия до н.э. Особое место в первоначально политеистической (греч. политеизм – *многобожие*) системе раннего иудаизма занимали представления о главном Боге – Яхве, в честь которого и был впоследствии построен в Иерусалиме первый иудейский храм. Вся дальнейшая история становления иудейской религиозной традиции – это последовательная борьба с политеизмом за установление строгого монотеизма (греч. – *единобожие*). Хотя некоторые следы старательно искореняемых политеистических представлений древних иудеев заметны даже в главном священном тексте иудаизма – Танахе³.

В текстах Танаха нашли свое выражение основные идеи иудаизма, не только определившие суть этой религии, но и оказавшие в последствии существенное влияние на формирование христианства и ислама. К их числу относятся:

- вера в единого Бога;
- идея творения всего сущего божественным велением;
- представление о человеке как образе и подобии Бога;
- Завет как принцип отношений Бога и человека;
- идея этнического избранничества;
- свод религиозно-этических законов;
- мессианство и эсхатологические представления.

Вера в единого Бога

Главный постулат иудаизма – вера в единого Бога Яхве – творца и управителя, всемогущего и вездесущего, непостижимого и сокровенного. Запретно даже произнесение вслух его имени. Этот запрет восходит к архаическим представлениям о магической связи имени и сущности – знающий подлинное имя (Бога или человека) обретает над ним некоторую власть. Сокрытию правильного произнесения божественного имени способствовали и некоторые особенности древнееврейской письменности, фиксирующей только согласные звуки.

С течением времени этот запрет привел к тому, что имя Яхве (Сущий), обозначаемое в тексте Торы четырьмя согласными, произносилось первосвященником вслух неслышно для окружающих лишь один раз в году – в День очищения. При этом тайна правильного звучания божественного имени передавалась из уст в уста по старшей линии первосвященнического рода. Затем в III в. до н.э. произнесение этого имени было полностью табуировано. Вследствие чего при чтении священных текстов стало произноситься «заменительное слово» –

³ Танах – священное писание иудаизма, представляющее собой сложный комплекс религиозно-художественных произведений, создававшихся на протяжении целого тысячелетия – с XIII в. до н.э. по II в. до н.э. В христианской традиции Танах называется Ветхим Заветом и вместе с Новым Заветом составляет Библию.

Адонай (евр. – *господин*) – одинаково применимое и к Богу и к человеку (в русском переводе в этом случае используется слово «Господь»).

Представление о Яхве как единственном, вечном и всемогущем Боге является определяющим в космогонической мифологии Ветхого Завета. Мир, человек и все сущее возникает в результате божественного веления. Этот постулат составляет основу библейского **креационизма**.

Согласно ветхозаветной традиции Бог создает мир «из ничего», силою слова, поэтапно разделяя его на противоположности (небо – земля, свет – тьма, вода – суша и т.д.) в 7 дней, задавая тем самым чередование шести дней труда и седьмого дня отдыха. Вот как, к примеру, описывается в книге Бытие первый день творения: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1:3–5).

Человек как «венец творения»

Завершением акта творения, его «венцом», стал человек – единственное творение, созданное «по образу и подобию» Творца. Человек подобен (похож, но не равен) Богу, поскольку наделен частицей божественного: живой душой и разумом, способностью творить, соучастием в создании мира. Кроме того, человеку предоставлено право господствовать в сотворенном мире. Но главное, что отличает человека от всей остальной твари и уподобляет его Богу – это свобода. Свобода в своем подчинении или неподчинении Творцу. Свобода, неизбежным следствием которой является ответственность за совершенный выбор. Поэтому понятие «греха» и категория «греховности», появляющиеся в библейских текстах, применимы только к человеку («А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним»). Быт. 4:7).

Завет как принцип отношений человека и Бога

Построение отношений между богом и человеком на принципах договора (завета) определило своеобразие ветхозаветной истории. Каждый период бытия человека и человечества начинается и завершается Заветом.

Первый, так называемый **Едемский завет**, открывает период «невинности», заканчивающийся непослушанием божественному велению – грехопадением и изгнанием из райского сада. В ветхозаветной мифологии это первый договор между Богом и человеком. Адаму и Еве изначально дано райское блаженство в саду Едем. Завет с Адамом содержит те условия, на которых человек сможет сохранить и удержать блаженство, дарованное Богом: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16–17).

Второй – **Адамов завет** начинает новую эпоху – возникновения человеческой совести, когда человек через непослушание приходит к личному пониманию добра и зла. Обладающий свободой Адам выбирает путь непослушания Богу, нарушая тем самым первый (Едемский завет) завет с Богом. Вступив на путь личного познания добра и зла, человек лишается райского блаженства (Быт. 3:16, 17, 19).

Третий – **Ноев завет** открывает период человеческого управления, когда греховность влечет за собой подчинение одних народов другим.

Ной, согласно ветхозаветной легенде, оказался единственным праведником среди многочисленного человечества, обреченного раскаявшимся Богом на уничтожение в водах потопа: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и возскорбел в сердце своем...

И воззрел Бог на землю, – и вот она растленна: ибо всякая плоть извратила свой путь на земле. И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, Я истреблю их с земли» (Быт. 6:6–13).

Всемирный потоп – это новый день Божественного творения, во время которого осуществляется разделение на погрязших в грехе и праведных. Ной – это своего рода новый Адам, которому предначертано Богом дать начало новому человечеству, «праведной отрасли». С сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета – начинается период человеческого управления, когда, согласно ветхозаветным текстам, недостойное поведение Хама карается проклятием: «...раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9:25).

Четвертый завет между Богом и человеком – **Авраамов завет** – полагает начало эпохе «обетования», выделяющей из всего человечества один народ, которому уготована особая судьба. Завет с Авраамом занимает в библейской истории особое место. Выбор Богом праведника, от которого произойдет особый народ, мистическим образом изменяет его имя: «Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов. И не будешь ты больше называться Авраамом; Но будет тебе имя: Авраам; ибо Я сделаю тебя отцом множества народов» (Быт. 17:4–5). Согласно древним представлениям многих народов, любое изменение имени, даже добавление всего одной буквы, означает изменение сущности и судьбы его обладателя.

Идея богоизбранности

Библейское повествование о завете между Богом и Авраамом и его потомками – выражение одной из ключевых идей иудаизма – идеи богоизбранности еврейского народа, его особой выделенности из числа других этносов, особой духовной связи с Богом, влекущей за собой особые религиозно-этические требования и ритуальные установления (в частности – обрезание у мужчин). В случае следования завету, избранному народу обещана награда – лучшая земля Ханаанская – обетованная (то есть обещанная в результате договора, завета).

Особый статус избранного народа требовал от каждого и особой личной веры – безотчетной и безоговорочной готовности подчиниться велениям Бога, так называемой «Авраамовой веры»: безграничной готовности следовать Божественным повелениям. В основе – особый, не имеющий аналогов тип поведения Авраама: от готовности по божественному слову покинуть отечество и сородичей и отправиться в неведомый путь – до готовности принести в жертву долгожданного сына: «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдя в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе.... И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал:...не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт. 22:2–12). Впоследствии, такое понимание веры как беспредельной покорности, оказало серьезное воздействие на формирование ислама и христианства (особенно в варианте протестантизма).

Идея этнического избранничества способствовала формированию иудаизма в качестве этнонациональной религии, культивирующей, в определенной степени, этническую замкнутость (к примеру, в 444 г. до н.э. иудейское духовенство настояло на расторжении уже состоявшихся и запрете новых браков с представителями других народов). Вместе с тем это не означало, что иудаизм как религия был закрыт для «инородцев». Но, если еврей принадлежал к числу избранных по рождению, то представителю другого этноса предстояло пройти специальные обряды очищения и посвящения, предназначенные только для неевреев.

Идея избранничества подтверждается и усиливается пятым, **Моисеевым заветом**. Результатом этого завета является «обретение Закона», разъясняющего сущность того, что

является служением Яхве. С этого момента, согласно библейской традиции, в истории избранного народа начинается период «подзаконный». Вторая книга Пятикнижия – Исход – повествует о призвании Богом Моисея для особой миссии – «выведи из Египта народ мой, сынов Израилевых» (Исх. 3:10). После испытания веры евреев в сорокалетнем блуждании по пустыне Бог подтверждает свой Завет с избранным народом: «Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех Народов: ибо Моя вся земля; А вы будете у Меня царством священников и народом святым». (Исх. 19:5–6). На горе Синай Господь дарует Моисею свод Законов, определяющих Условия и правила соблюдения Завета.

Закон

Словом «закон» в иудейской традиции обозначается обширный комплекс, состоящий из собственно законов, морально-этических увещаний, религиозно-обрядовых и ритуальных требований, пищевых запретов и прочего, призванных регулировать все стороны жизни древнееврейского общества – от взаимоотношений внутри семьи и между соседями до способов обращения и служения Богу. Не случайно самое точное определение иудаизма – «религия Закона», а все постбиблейское его развитие – уточнение того, как понимать и как соблюдать Закон, дарованный Богом избранному народу.

Законодательные установления иудаизма сформулированы в первой части Танаха – Торе и представляют собой сочетание нескольких сводов законов. Это, прежде всего, 10 заповедей, которые дважды повторяются в тексте Ветхого Завета (Исх. 20:1–17; Втор. 5:6–21); «Книга договора» (Исх. 20, 22–23); «Кодекс святости» (Лев. 17–26), а также «Второзаконие» (Втор. 12–27).

Основой, на которую наслаиваются все остальные веления закона, является Декалог – **10 заповедей**, последовательность расположения которых определяет иерархию ценностей в иудейской традиции.

Первые четыре заповеди определяют принципы отношения к Богу.

1. Да не будет у тебя других богов перед лицом моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.
3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.
4. Помни день субботний, чтобы святить его.

Остальные заповеди, начиная с пятой, регулируют отношения между людьми.

5. Почитай отца и мать.
6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не лжесвидетельствуй.

Последняя, десятая заповедь говорит о том, что греховными могут быть не только действия, но и помыслы, и намерения.

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Система наказаний за несоблюдение закона определялась представлением о справедливости на основе принципа **талиона** (равного и немедленного наказания), осуществляемого внутри религиозно-этнического сообщества. Равенство наказания преступлению понималось по-разному: от буквального «око за око, зуб за зуб» – до смертной казни не только за умышленное убийство единоплеменника, но и за непочтение к родителям. Вместе с тем,

принцип талиона существенно ограничивал кровную месть, так как предать человека смерти можно было только за его собственные преступления.

В контексте иудейского миропонимания любые социальные катаклизмы (войны, разрушения древнееврейских государств) трактовались как неизбежное наказание избранного народа за отступление от Закона, установленного Богом. Народ, не соблюдающий в полной мере заключенный с Яхве Завет, обречен на поражения и, следовательно, на изгнание и рассеяние по другим странам, где постепенно складываются еврейские колонии – **диаспора** (греч. – *рассеяние*).

Иудаизм диаспоры подвергается сильным влияниям других культур и народов. Например, в результате соприкосновения евреев с зороастрийской культурой в иудаизме появляется вера в ангелов, сатану, загробное царство и бессмертие души. Впрочем, культурные взаимодействия вели не только к приобретениям, но и к потерям. Мощное эллинистическое влияние, которое было оказано на евреев, расселившихся в странах Восточного Средиземноморья, привело к практической утрате иврита – языка Торы. Это обстоятельство побудило служителей иудейского культа перевести Танах для евреев диаспоры на древнегреческий язык. Этот перевод получил название «Септуагинта». Впоследствии Септуагинта была принята христианством (прежде всего православием) и послужила основой (наряду с Масоретским текстом) при переводе Ветхого Завета на церковно-славянский и русский языки.

Мессиянство и эсхатология

Рассеяние «богоизбранного» народа по разным уголкам земли не только способствовало некоторой ассимиляции (от лат. *assimilatio* – *уподобление, слияние*), но и стимулировало обратный процесс – стремление к религиозно-этнической обособленности. Проявлением этого стала идея «собирания» евреев вокруг Иерусалимского храма на земле библейских предков. Ностальгия по временам царствования Давида и Соломона – золотому веку еврейской государственности – актуализировала пророческую часть Танаха.

Согласно пророчествам, причина трагического положения избранного народа – «отпадение» от Бога, забвение постулатов, образующих религиозно-нравственное учение Яхве. Главная тема пророческих книг – обличение социального зла, разрушающего не только гармонию особых отношений Яхве и еврейского народа, но и нарушающего космический, вселенский миропорядок.

В пророческих проповедях зарождается и постепенно выдвигается на передний план идея Спасителя, идеального справедливого царя – **Мессии** (*мессия* – греч. прочтение древнееврейского слова «машиах» – *помазанник*).

Первоначально в иудейской традиции Мессией – «помазанником Божиим» называли первосвященников и царей Израиля и Иудеи. Во времена пророков ожидание Мессии превращается в ожидание посланника Господа, наделенного божественной силой и властью. Образ Мессии постепенно эволюционирует от узкого социально-исторического и политико-патриотического прочтения ко вселенскому, космическому масштабу. Грядущий Мессия представляется не только спасителем своего, избранного народа, но и установителем всеобщего примирения и универсальной гармонии (Исайя 11:3–9). Обретая космический размах, идея Спасителя соединяется с **эсхатологическими** (греч. *eschatos* – *последний*) мифами о «последних» временах – о «родовых муках Мессии», временах неслыханных бед и страданий, предшествующих мессиянскому прорыву в историю человечества.

Эсхатологические мотивы в иудейском мировоззрении опираются на концепцию двух веков – «века нынешнего» и «века грядущего» – которые разделяет пропасть, непреодолимая человеческими усилиями. Между греховностью нынешнего века и блаженством грядущего – время великой скорби, наполненное ужасом надвигающихся перемен. Точка разрыва,

завершающая нынешний век и, вместе с тем, полагающая начало веку грядущему – Судный день, «день Господень», в который осуществится окончательное торжество справедливости: праведники будут приняты в новое царство, а грешники будут навсегда отвергнуты. «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление», – сказано в ветхозаветной «Книге пророка Даниила» (Дан. 12:2).

Это эсхатологическое ожидание Божественного вмешательства в историю впоследствии стало основным лейтмотивом зарождающегося христианства, вобравшего в себя все ключевые идеи иудаизма, но при этом сумевшего преодолеть национально-этническую и ритуально-обрядовую замкнутость иудейской религии.

Если классический, названный позднее ортодоксальным, иудаизм сформировал устойчивую основу, воспроизводимую в повседневной жизни: изучение Торы, благочестие, понимаемое как исполнение заповедей, непоколебимая вера в избранность народа Израиля и уникальность его судьбы, то эпоха Средневековья открыла новые возможности для дальнейшего религиозно-философского творчества в рамках иудейской культурной традиции. В сущности, в иудаизме всегда бытовало представление о неисчерпаемости смыслов Торы. Это стремление увидеть за очевидным и доступным каждому уровню понимания Писания иной, скрытый смысл, требующий особых усилий и открывающийся лишь избранным, определило два основных направления последующего развития иудейского вероучения – философско-рационалистическое и мистико-эзотерическое.

Философско-рационалистический иудаизм

Философско-рационалистический способ объяснения библейских истин формировался под непосредственным влиянием древнегреческой философии и арабо-мусульманской культурной традиции.

Одна из первых попыток рационализации иудаизма в духе эллинистической философии была предпринята еще Филоном Александрийским. Именно он в процессе сложных переводов библейских образов в категории греческой философии и интерпретации библейских персонажей в терминах платонизма и стоицизма призывал постичь «глубинный смысл» Писания – его философские истины.

В этом же духе рассуждал испанский иудей Соломон Ибн-Гебируль, живший в XI в. Среди схоластов была особенно популярна его книга «Источник жизни», написанная по-арабски, а затем переведенная на латынь. Ибн-Гебируль, утверждал, что все существующее, в том числе и духовные сущности, состоят из материи и формы, пронизанных по воле творца неудержимым стремлением к единению друг с другом.

Свое классическое выражение рационалистическая тенденция обрела в интеллектуальных исканиях Маймонида (1135–1204), считавшегося одним из наиболее авторитетных комментаторов Закона. Усвоив философию Аристотеля в интерпретации арабских мыслителей, Маймонид пытался по-своему рационализировать основные постулаты иудаизма. В труде «Путеводитель для колеблющихся» Маймонид обосновал необходимость философского понимания древней библейской традиции, отнюдь не оспаривая при этом возможности буквального и наивного восприятия Писания. Стремясь рационалистически осмыслить образ Бога и освободить его от излишнего антропоморфизма, Маймонид открывает свой «Путеводитель» настоящим философским словарем. Один за другим буквальные, насыщенные качественной определенностью и сюжетной конкретикой образы получают свое метафорическое, аллегорическое и символическое толкование.

По мнению Маймонида, стиль изложения библейских истин таков, что может показаться, будто Бог имеет глаза и руки, говорит и ходит как человек и т.д. Все эти образы и свойства нуждаются в переводе на язык абстрактных категорий, потому что, по сути, речь идет

о всеведении, всемогуществе и вездесущности Бога. Эти два уровня понимания – внешний, буквальный и внутренний, абстрактно-философский – отнюдь не исключают друг друга, ведь Тора является учением как для простого верующего, так и для философа. Но человек ищущий легко может впасть в сомнение и утратить веру, если не сумеет открыть для себя более глубокий смысловой уровень Писания, выходящий за рамки буквального прочтения.

Бог, учит Маймонид, находится за пределами всякого человеческого описания, и поэтому может быть понят только через осмысление условности внешних образов. Несовершенный взгляд на Бога, по мнению Маймонида, влечет за собой несовершенные действия, заключающиеся во внешнем, формальном исполнении заповедей. В то время как глубинное философское понимание должно сместить акценты, прежде всего, в область духовного служения Богу. Предлагая объяснение заповедей Закона в контексте внутренней морально-этической мотивации, Маймонид говорит: «Знай, что все ритуалы богослужения, такие как чтение Торы, молитва и выполнение заповедей, имеют только одну цель – научить тебя быть полностью поглощенным Его заповедями. Но, если твое внимание слабое, твоя молитва произносится только губами, если в чтении Торы участвует только голос, а сердце занято другим, такое богослужение – напрасный поступок».

Сознавая, что религиозный философ и простой верующий по-разному видят и понимают Закон, Маймонид, тем не менее, полагает, что они не являются противниками друг другу, потому что философия и откровение – взаимодополняющие пути к Богу. Первый – путь рациональности и индивидуальности, второй – путь веры и общности, но цель у них одна.

Удерживая хрупкое равновесие между разумом и верой, философской свободой и религиозной догматикой, Маймонид излагает свои «тринадцать принципов веры»:

1. Бог един.
2. В единстве беспределен.
3. Без образа и непостижим.
4. Он первый, но начала нет Ему.
5. Всеми живому он дает возможность видеть свое величие и правление.
6. Он одарил благодатью провидения пророков.
7. Моисей первый и величайший пророк.
8. Моисею дан весь Закон.
9. Закон этот вечен и никогда не будет иного.
10. Бог всеведущ.
11. Он награждает праведника и карает злодея.
12. К концу дней Он пошлет Мессию.
13. И воскресит мертвых.

Идеи, высказанные Маймонидом в «Путеводителе для колеблющихся», стали предметом ожесточенных споров сторонников философского рационализма и последователей строгого, ортодоксального иудаизма. А неприятие рациональных способов объяснения сакральных истин и вместе с тем неудовлетворенность догматической замкнутостью раввинистического иудаизма способствовали, в свою очередь, усилению мистических тенденций в иудаизме.

Мистический иудаизм

Иудейская мистика, существовавшая на протяжении многих веков на периферии религиозного сознания, возродилась с новой силой в каббалистических учениях Средневековья и последующих веков. **Каббала** (дрвнеевр. *предание*), сформировавшаяся как эзотерическое мистическое учение в XIII в. в Испании и распространившаяся затем по всей средневековой

Европе, не только продолжила традиции ранней иудейской мистики, но и обогатила ее некоторыми элементами античной философской мысли, заимствованиями из арабской философии и внеконфессиональных «тайноводств» (алхимии, астрологии, физиогномики и других наук).

Претендуя на обладание тайным знанием «неписанной Торы», открывавшей способы непосредственного постижения Бога, каббалисты при этом не отвергали традиционный иудаизм. Согласно иудейским мистикам, все уровни божественного откровения тесно связаны между собой, а различаются лишь степенью их доступности. Поэтому среди каббалистов особой популярностью пользовалось предание о том, что Моисей трижды восходил на гору Синай, оставаясь там по сорок дней наедине с Богом. В первый раз ему были вручены скрижали Закона, которому следовало обучить весь народ Израиля. Это – письменная Тора. Во второй раз Моисею была открыта «душа» Закона, воплотившаяся затем в Мишне, предназначенной, прежде всего, раввинам и другим учителям Закона. Это – устная Тора. А в третий раз Бог посвятил Моисея в тайны каббалы. Каббала – «душа души» Закона, доступная лишь немногим избранным. Это тайное, не писаное знание было передано человеку для того, чтобы, постигая глубинные принципы, он мог понять вселенную вокруг себя (макрокосм) и вселенную внутри себя (микрокосм).

Устная традиция передачи каббалистических тайн получила свое письменное выражение в книге «Сефер-га-Зогар» («Сияние»), изданной в XIII в. испанцем Моисеем Лионским, принадлежавшим к школе рабби Шимона бен Йохая. Авторитет этого текста был столь велик, что некоторые каббалисты почитали книгу «Зогар» наравне с Торой. Дальнейшая разработка идей была осуществлена в одном из наиболее влиятельных каббалистических центров, сформировавшихся в XVI в. в городе Цфате под руководством раввина Ицхака Лурия.

Главной тайной каббалистической мистики является знание того, что Бог – неизреченная, абсолютно бескачественная и неопределимая беспредельность, которая может быть названа только как «Эйн Соф» («Ничто» или «Бесконечное»). Используя это слово, каббалисты подчеркивают принципиальную и абсолютную недоступность Божественной Сущности человеческому познанию. Согласно распространенной каббалистической метафоре, если Сефирот – это Мировое Дерево, то Эйн Соф – это почва, из которой вырастает это дерево, и вместе с тем Эйн Соф – это сок, который течет во всех ветвях и листьях.

Эйн Соф не может, не ограничивая и не изменяя себя, непосредственно создать что-либо конечное. Самоограничивая себя «тайной стягиваний», Бог образует пустоту, в которой с помощью опосредствующих 10 творческих сил или сфер, называемых Сефирот, создается чувственно-материальный мир. Первая Сефира происходит непосредственно от Бога путем эманации (от лат. *emanatio* – *истечение из единого*) и творит вторую, вторая – третью и так далее. Каждая из этих сфер символизирует одно из Божественных имен и обозначается одной из 10 цифр. Соединение 10 Сефирот или цифр с 22 буквами еврейского алфавита (3 основных, 7 двойных, 12 простых) образуют 32 «пути премудрости». Как с помощью 10 цифр можно сосчитать все, что угодно, а 22 букв достаточно, чтобы описать все, что только может быть, так и неизреченная божественная сущность Эйн Соф посредством 32 путей раскрывает свою бесконечность.

Графически это изображается в виде сложного чертежа, называемого «Деревом Жизни» или «Деревом Сефирот». Десять кругов, связанных между собой двадцатью двумя линиями, образуют три вертикальных колонны, которым в некоторых случаях придаются имена: правой – «Милосердие», левой – «Жестокость», а между ними – «Умеренность», как объединяющая их сила.

Мыслимое как единое целое «Дерево Жизни» образует форму совершенного существа – первоначального человека Адама Кадмона, мистическим образом существовавшего до начала времен и ставшего прообразом для сотворения мира и человека. Этим каббалисти-

ческая философия утверждает и обосновывает принцип подобия между строением вселенной (макрокосма) и человека (микрокосма). По мнению иудейских мистиков, именно Адам Кадмон, божественный Адам, а не земной человек, описан в начальных главах книги Бытия. Именно он является тем изначальным идеалом человеческого совершенства, который был утрачен в результате грехопадения, но может быть вновь обретен с помощью мистического опыта.

Наряду с представлениями об особой божественной сущности (Эйн Соф) и ее эманациях (Сефирот), священная книга каббалистов «Зогар» дает аллегорические толкования многим библейским образам и сюжетам: Авраам и Сарра – это материя и форма вещей, Моисей – божественный дух, Египет – дурное волнение и т.д. Кроме того, в каббалистических текстах появляется специфическая терминология для обозначения высших духовных субстанций и процессов: «длинный и короткий лик», «святой старец», «первое движение», «пятьдесят ворот света» и другое.

Весь мир представляется каббалистам огромной цепью, соединяющей высшие сферы с самыми низшими уровнями бытия. Поэтому каждое движение, каждое воздействие на нижние звенья цепи отзывается тем или иным образом на других ее звеньях.

Идея всеобщей универсальной связи мироздания, разработанная умозрительной каббалой, послужила отправной точкой для так называемой практической каббалы, опирающейся на веру в то, что при помощи специальных действий, ритуалов, молитв и волевых актов человек не только постигает скрытый смысл божественного откровения, но и может активно вмешиваться в процесс осуществления человеческой и космической истории.

Связь между практической и умозрительной каббалой обусловлена общим признанием мистического смысла чисел, букв и имен. Убежденные в том, что в Писании, продиктованном божественным разумом, не может быть ничего случайного, каббалисты, побуждаемые жадной проникновением в божественные тайны, занимались подсчетом слов и букв Торы, искали скрытый смысл в порядке расположения и различных сочетаниях чисел и букв. Аллегорическими и символическими значениями наделяются даже, казалось бы, давно определенные слова и числа. К примеру, выявленные талмудистами 613 заповедей Торы, состоящие из 248 повелительных и 365 запретительных установлений, отныне рассматриваются иудейскими мистиками как особое указание Бога на то, что человек должен исполнять божественные установления каждой частицей своего тела (согласно каббалистам, человек состоит из 248 частей) в каждый из 365 дней года.

В рамках практической каббалы были разработаны специальные шифровальные методики, с помощью которых каббалисты пытаются выявить сокровенное и предсказать будущее. Особенно популярными становятся методы подстановки чисел вместо букв (гематрия), перестановки и замены одних букв другими в заданной последовательности (темур), составления и расшифровки аббревиатур (нотарикон).

Знаково-символическое отношение к миру, характерное для мистики вообще, в системе практической каббалы тесно переплетается с буквальными магическими поверьями, согласно которым, особые слова или заклинания надписанные, в частности, на амулетах, могут изгонять бесов или вынуждать ангелов оказывать помощь в тех или иных делах.

Наиболее ярко уверенность в том, что правильно произнесенное или написанное слово обладает невероятной магической властью, проявилась в каббалистических легендах о «големах». Предполагалось, что если раввин, комбинируя буквы непроизносимых божественных имен, поймет главную тайну имени Бога и произнесет его над вылепленным из глины человеческим телом, то тело это оживет и станет големом – существом, не обладающим душой, и не владеющим речью, но способным заниматься физической работой. Оживший голем может исполнять порученную ему работу не только в будние дни, но и в субботу, когда заповедями Торы иудеям запрещено заниматься даже домашними делами. Легенды

о големе, в символической форме повествующие о возможностях и пределах творческой состоятельности человека с Богом, послужили отправной точкой для многих произведений европейской культуры. К теме голема обращались Э. Т. А. Гофман, Г. Майринк, М. Шелли, Х. Л. Борхес и многие другие.

Учение каббалы оказало огромное влияние на формирование других мистических течений в иудаизме, прежде всего на **хасидизм** (от древнеевр. благочестивый), распространившийся в XVIII в. среди восточноевропейских иудеев (сегодня это территории Польши, Литвы, Украины, Белоруссии, восточных областей России). Хасиды призывали к усилению религиозного рвения, к личному переживанию Божественного присутствия в мире. Этот мистический опыт находил свое выражение в самых разных формах внешнего проявления, в том числе в особой хасидской музыке («нигун») для песен и танцев. Напевные мелодичные песни могли быть как со словами (например, известная «Хава нагила» – «Будем веселиться!») так и фактически без слов, из повторяющихся одинаковых слогов (например, «ай-ай-ай» или «бим-бим»).

Хасидские учителя («ребе») были харизматическими личностями, требовавшими от своих последователей глубокого духовного проникновения в иудейские истины. Руководство движением переходило последовательно от одного хасидского праведника к другому. Этих праведников называли цадиками. Авторитет цадииков (в отличие от раввинов) опирался не столько на ученость, сколько на близость и постоянное общение с Богом. Фактически цадиики наделялись сверхъестественными способностями, позволявшими им творить чудеса. Вместе с тем, почитание хасидами мистических текстов и практика религиозных экстазов, видений и чудес, никогда полностью не заслоняла собой образование и благочестие, необходимые каждому иудею. Поэтому появившись в качестве еретического течения, хасидизм довольно быстро нашел свое место в системе ортодоксального иудаизма. И это характерно не только для хасидизма.

При всей своей специфике, вся иудейская мистика никогда не упускала из виду суть классического раввинистического иудаизма, который рассматривает изучение Торы и следование заповедям как основной смысл праведной жизни. Иудейская поговорка «Бог, Израиль (народ) и Тора суть одно и то же» соотносима с любым течением иудаизма. Поскольку Тора есть земное выражение Божественного откровения, а заповеди, данные Израиллю, раскрывают подлинный смысл установления божественного единства, все три понятия образуют взаимозависимую целостность.

Исторические и культурные перипетии, философско-рационалистические и мистические искания иудаизма являются яркой иллюстрацией того, что иудейские религиозные традиции никогда не были абсолютно застывшей системой. Опирающееся на законы Торы религиозно-обрядовое единообразие, принятое иудейскими общинами в разных уголках земли, всегда имело многочисленные историко-культурные вариации. Постоянное ощущение исключительности своей судьбы и уникальности своего жизненного пути, и вместе с тем, удивительная гибкость и пластичность, – вот то, что помогало иудаизму и адаптироваться в новых исторических условиях, и трансформировать эти условия в соответствующие проявления иудейской жизни и веры.

Контрольные вопросы

1. Какие идеи составляют основу иудейского вероучения?
2. Что делает человека «образом и подобием» Бога?
3. Что такое «Авраамова вера»?
4. Какие заповеди составляют основу иудейского закона?
5. Как в иудаизме эволюционировала мессианская идея?

6. Какое понимание иудейского вероучения предложил философско-рационалистический иудаизм?
7. В чем проявляется специфика понимания мира и человека в мистическом иудаизме?

Глава 3

Танах и Талмуд

Среди миллионов книг, написанных в разные времена на разных языках, есть одна, безусловно выделяющаяся и местом, которое она занимает в истории мировой культуры, и ролью, которую ей выпало сыграть в духовной жизни человечества. Эта книга – Библия. Собственно, Библия (греч. *biblia* – *книги*) – это собрание книг, создававшееся и формировавшееся в течение длительного времени. Наиболее древний и значительный по объему корпус библейских текстов получил название «Танах» и был признан в качестве Священного писания иудаизмом, а позднее – переименованный в Ветхий Завет и объединенный с Новым Заветом – составил основание христианства.

Преодолевая национальные и исторические границы, Ветхий Завет оказал воздействие на формирование различных религиозных традиций. Ветхозаветные идеи, нормы и принципы не только стали краеугольным камнем христианской идеологии, составив тем самым фундамент духовной культуры всего христианского мира, но и повлияли на исламские представления, а многие образы и сюжеты Ветхого Завета вошли в священную книгу мусульман – Коран.

Более того, сложившийся в рамках одной религиозной традиции Ветхий Завет со временем стал общекультурным достоянием, которое имеет значение для всех людей независимо от их конфессиональной принадлежности и религиозных взглядов. Ветхий Завет является одним из величайших памятников мировой литературы. Образы ветхозаветной литературы давно уже стали универсальными символами, конденсирующими в себе духовный опыт человечества. Может быть в силу этого воздействие Ветхого Завета на мировую культуру поистине всеобъемлюще. Сюжеты и темы Ветхого Завета всегда были востребованы искусством, идеи оказывали влияние на религию и философию, ценности и нормы осваивались и перерабатывались в системах права и морали, идеалы и принципы определяли ментальность общества и модусы культуры – вся история культуры убедительно демонстрирует неисчерпаемость религиозного, эстетического и нравственного потенциала Ветхого Завета.

Собственно иудейская литература в ее канонизированном варианте состоит из двух больших комплексов религиозно-художественных произведений, создававшихся на протяжении полутора тысяч лет (с XIII в. до н.э. по VI в. н.э.). Первым и основным является **Танах**. Второй комплекс – **Талмуд** (от древнеевр. «ламейд» – *изучение*), дополняет его, являясь сводом обширных толкований и пространных комментариев к Танаху.

Танах, или Ветхий Завет

Основной сакральный текст иудаизма – Танах – представляет собой закрепленный канонический корпус произведений, написанных в период с XIII в. до н.э. на древнееврейском и отчасти арамейском языках. В структуре Танаха выделяется три больших раздела:

- **Тора** (древнеевр. – *закон или учение*), которая объединяет первые пять книг Ветхого завета и поэтому имеет второе название «Пятикнижие»;
- **Невиим** (древнеевр. – *пророки*) – книги религиозно-политического и историко-хронологического характера;
- **Кетувим** (древнеевр. – *писания*) – свод поэтических и литературно-философских произведений.

Слово «Танах» является аббревиатурой, составленной из начальных букв этих трех разделов. Название «Ветхий Завет» в иудаизме не употребляется.

Тора, или Пятикнижие

Тора является главной и наиболее авторитетной с религиозно-догматической точки зрения частью Танаха. Она состоит из пяти книг, обычно называемых в иудейской традиции по первым словам: «В начале», «И вот имена», «И воззвал», «В пустыне», «Вот слова». Используемые в русском переводе Ветхого завета названия – «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа», «Второзаконие» – восходят к греческому тексту Библии. Перевод древнееврейской Библии – Танаха – на греческий язык, осуществленный в Египте в 282–246 гг. до н.э., получил название Септуагинта (в переводе с латинского – *семьдесят*, отсюда и символическое обозначение перевода знаком «LXX»). Это название объясняется бытовавшим среди александрийских иудеев преданием о том, что по велению египетского царя Птолемея II Филадельфа семьдесят приехавших из Иерусалима толковников (переводчиков), каждый по отдельности, осуществили перевод иудейских священных текстов на греческий язык. При сравнении переводов оказалось, что все они совпали от первой до последней буквы, что должно было быть свидетельством мистического Божественного участия. Впоследствии Септуагинта была принята христианством (прежде всего православием) и послужила основой (наряду с Масоретским текстом) при переводе Ветхого Завета на церковно-славянский и русский языки.

Согласно иудейской, а вслед за ней и христианской исторической традиции, автором Пятикнижия считается Моисей, легендарный предводитель иудеев во времена их бегства из египетского рабства. Объединенные общим сюжетом книги Торы повествуют об истории израильтян и их мифических предков от сотворения мира и появления первого человека до исхода из Египта и возвращения к границам «земли обетованной». Сутью исторического процесса, согласно Пятикнижию, является возникновение, развитие и сохранение союза (в библейской терминологии – завета) между Богом Яхве и избранным им народом.

Художественное своеобразие Пятикнижия во многом определяется не только творческой переработкой устных и письменных литературных традиций сиро-палестинского региона, но и особым повествовательным стилем – предельно лаконичным и точным, свободным от всяческих живописных описаний, избыточных эпитетов и расцвечивающих детализаций. В результате достигается непревзойденная рельефность и выразительность художественного повествования. Одной фразы оказывается достаточно, для того, чтобы передать, к примеру, невероятную силу и глубину человеческого чувства: «И служил Иаков за Рахиль семь лет, и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» (Быт. 29:20). Особую выразительность Пятикнижию придает и восходящий к фольклорным традициям прием введения в текст стихотворных фрагментов, когда своеобразный ритм повествования задается переходами от прозы к стихам и обратно.

Бытие

Первая книга Пятикнижия называется в иудейской традиции «Берешит», что в переводе с древнееврейского означает «в начале». Русское название этой книги – «Бытие» – является неточным переводом греческого слова «Генезис», обозначающего *происхождение, зарождение, становление*.

Эта книга – об истоках вселенной, человечества и его взаимоотношениях с Творцом. Представление о Яхве как единственном, вечном и всемогущем Боге обусловило основные черты ветхозаветной космогонии⁴ и антропогонии⁵, изложенных в первой книге Пятикни-

⁴ Космогония (от греч. *kosmos* – мир и *goneia* – рождение) – концепция возникновения мира.

жия. Мир, человек и все сущее появляется в результате божественного веления. Книга Бытия повествует о том, как «из ничего» силою слова в шесть творческих периодов – шесть дней творения – Бог создает гармоничный, прекрасный мир. Мир, в котором противоположности (свет – тьма, вода – суша, небо – земля и т.д.) уравниваются и дополняют друг друга. Не случайно рассказ о каждом дне творения, начиная с третьего, завершается словами: «И увидел Бог, что это хорошо». Рассказ о шести днях творения символизирует в иудейской, христианской и исламской традициях не только поэтапность творения мира силой Божественного слова, но и цикличность жизненного ритма, состоящего из чередования шести дней труда и седьмого дня отдыха.

Властелином над сотворенным миром поставлен человек – «венец творения», созданный «по образу и подобию» Бога. Представление о человеке как о творении, созданном «по образу и подобию» Творца, отражает основные особенности библейской антропологии⁵. Создание человека является «венцом» творения, его завершающим этапом. Человек подобен (похож, но не равен) Богу, поскольку наделен частицей божественного: живой душой и разумом, способностью творить, участвовать в создании мира (миф о наделении животных именами – Быт. 2:19). Кроме того, человеку предоставлено право господствовать в сотворенном мире: «...наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28). Но главное, что отличает человека от всей остальной твари и уподобляет его Богу – это свобода. Свобода в своем подчинении или неподчинении Творцу.

Обладающий свободой выбора человек в лице прародителей Адама (древнеевр. – *человек*) и Евы (древнеевр. – *жизнь*) нарушает мировую гармонию неповиновением воле Создателя – грехопадением. Тем самым человек, не устоявший перед искушением «змея» и притягательностью «запретного плода», лишает себя райского блаженства и обрекает на качественно иную жизнь (позднее в христианской традиции грехопадение будет рассматриваться как «первородный грех», исказивший подлинную природу человека, восстановление которой становится возможным только после искупительной жертвы Иисуса Христа и обретается в таинстве крещения).

С момента грехопадения, избрав для себя путь личного познания добра и зла, человечество, утратившее возможность непосредственного общения с Богом, каждым своим поступком, каждым действием либо удаляется от Бога, либо приближается к нему. И каждый шаг на этом пути влечет за собой награду или наказание.

Книга Бытия повествует о том, как жизнь из награды может превратиться в наказание («Каинова печать»⁷), как обрекается на гибель развратившаяся часть человечества («Всемирный потоп», «Содом и Гоморра»), как с Божьей помощью спасаются праведники (Енох, Ной, Лот, Иосиф и другие), как карается стремление к горделивому самопрославлению («Вавилонская башня»⁸) и избирается самый преданный («Аврамова вера») для того, чтобы стать прародителем избранного Богом народа.

⁵ Антропология (от греч. *antropos* – человек и *gonia* – рождение) – концепция возникновения человека.

⁶ Антропология (от греч. *antropos* – человек и *logos* – учение) – учение о человеке.

⁷ С библейских времен образ «каиновой печати» является символом неисправимой порочности человека. В ветхозаветном повествовании «Каинова печать» – это знак Божественного проклятия, которым отмечен Каин, совершивший братоубийство и нераскаявшийся в содеянном. По велению Бога убийца парадоксальным образом лишается возможности быть убитым. Божественная воля обрекает его на мучительную жизнь изгнанника, отвергаемого землей и людьми, жизнь, которая оказывается хуже смерти.

⁸ Образ Вавилонской башни как символа человеческой гордыни и самонадеянности восходит к ветхозаветному преданию, повествующему о попытке людей построить башню, высотой своей достигающую неба. Очевидно, что буквальный образ Вавилонской башни навеян месопотамскими зиккуратами (и в первую очередь, Вавилонским храмом Этеменанки), а ее символический смысл трактуется как стремление порочного, «допотопного» человечества встать вровень с Богом. Божественная кара в виде смешения языков и рассеяния переставших понимать друг друга народов одновременно высту-

Ветхозаветная история, представленная в книге Бытия, условно может быть разделена на два периода. Первый – от Адама до Авраама – это история всего человечества; второй, начинающийся от Авраама – это история одного избранного народа, которому обещана лучшая земля – Ханаанская – «земля обетованная»: «И не будешь ты больше называться Авраамом; но будет тебе имя: Авраам; ибо Я сделаю тебя отцом множества народов... И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их... И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, По которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом» (Быт. 17:5–8).

В лице Иакова этому народу было дано новое имя – Израиль. Таким образом, предание о патриархах – Аврааме, Исааке и Иакове – образуют в своей совокупности первоначальную историю избранного народа, подготавливающую основное событие израильской истории – обретение Учения.

Исход

Слово «исход» – это русский перевод греческого слова *эксодус*. В древнееврейском тексте вторая книга Пятикнижия называется «И вот имена» («Шемот»). Книга «Исход» рассказывает об избавлении потомков Авраама от египетского рабства и символизирует всякое освобождение от рабства греха.

В центре повествования находится Моисей – пророк, сыгравший в истории избранного народа роль исключительную и ни с чем не сопоставимую. Моисей – это тот человек, через которого Бог не просто возвещает свою волю, но созидает народ Израиля, карая тех, кто отступает назад и пренебрегает божественными велениями.

Повествование о Моисее, представленное во второй книге Пятикнижия, насыщено фольклорными рассказами о необычных обстоятельствах рождения и воспитания Моисея, о творимых им чудесах и сверхчеловеческом сиянии его лика после встречи с Богом. И вместе с тем с поразительным искусством раскрывается процесс становления личности Моисея: сначала – легкомысленный и необузданный юноша, затем – мучимый сомнениями человек, сопротивляющийся своему предназначению, определенному Богом, и наконец – пророк, возвещающий и исполняющий Божью волю. Многоплановость и многомерность образа Моисея, его внутренняя сложность и противоречивость, раскрытые с поразительной художественным мастерством, делают книгу «Исход» одним из ярчайших произведений мировой литературы.

История исхода – это не только история освобождения, но и история обретения. Обретение Учения – кульминационный момент всего Пятикнижия. В пустыне, на горе Синай, Бог возвещает своему народу устанавливаемые им законы, нормы нравственного поведения и человеческого общежития. Суть этих установлений сконцентрирована в десяти заповедях, с которыми отныне должна быть соотнесена жизнь каждого иудея.

В предании об исходе в полной мере раскрываются черты Бога Яхве как единого и единственного Бога Израиля. Он – покровитель и законодатель, носитель высшего нравственного идеала, который должен быть воплощен в жизни и судьбе избранного им народа. Но народ, согласно ветхозаветному повествованию, упрям и своеволен, труслив и малодушен. За свое неверие в могущество Яхве он обречен на многолетние скитания по пустыне, на тяжкие испытания и невозможность вступить в «землю обетованную» до тех пор, пока вера не возобладает над неверием.

Левит

Третья книга Пятикнижия является продолжением Исхода и повествует о том, как народ, спасенный из египетского рабства (символизирующего рабство греха), должен служить Богу, чтобы приблизиться к нему. «Левит» рассказывает о правилах и видах жертвоприношений, описывает то, каким должен быть чин посвящения наиболее достойных лиц из колена Левия (отсюда и греческое название книги «Левит») в сан священства, в какие одежды должны облачаться священнослужители (первосвященник, священники и левиты) в соответствии с различными степенями священнического сана.

В Левите установлены время и продолжительность праздников: суббота (день покоя), пасха, праздник жатвы, пятидесятница, праздник труб, очищения и кушей. Кроме того, установлены особые годы: субботний (то есть седьмой) и юбилейный (то есть пятидесятый).

Исполнение всех этих установлений, законов и предписаний должно способствовать приближению избранного народа к совершенной чистоте жизни: «Святы будьте, потому что свят Я, Господь Бог ваш!» (Лев. 19:2).

Числа

Главная тема этой книги – сорокалетнее блуждание в пустыне израильского народа под водительством Моисея. Это многолетнее странствие было необходимо для того, чтобы из беспорядочной массы рабов, при малейших трудностях поддающихся слабости и впадающих в неверие, возродился народ, достойный божественного обетования.

Свое греческое название «Числа» книга получила от двух переписей израильтян, о которых рассказывают 1 и 26 главы. Обе переписи сделаны по велению Бога: первая осуществлена Моисеем и Аароном в пустыне Синайской на второй год после выхода их Египта, вторая в конце сорокалетнего странствования сделана Моисеем и Елеазаром уже у Иордана, у границ земли Обетованной. К этому времени уже не было в живых ни одного человека из тех, кому во время первой переписи было больше двадцати лет. Все они, чудесным образом спасенные из египетского рабства, не смогли освободиться от рабства внутри себя. Никакие чудеса, свидетельствующие о божественной заботе и участии – манна небесная; вода, иссеченная из скалы; исцеление от змеиных укусов – не смогли победить их слабость и неверие. Даже Моисей за свое непослушание лишается возможности ступить на землю Обетованную. Это право даровано Богом только самым достойным.

Второзаконие

Книга «Второзаконие» была создана в VII в. до н.э. во времена царя Иосии. Поддерживаемый иерусалимскими жрецами, служилой знатью и движением пророков во главе с Иеремией царь Иосия ввел новое законодательство, утверждавшее в стране культ единого Бога Яхве. Иосия не просто хотел искоренить культ языческих богов. По его замыслу, религиозный переворот должен был привести к нравственному перерождению общества и утверждению принципов социальной справедливости. Характерно, что книга «Второзаконие» была представлена как находка древнего, восходящего еще к пророку Моисею, текста законов.

Книга «Второзаконие» представляет собой повторение, дополнение и разъяснение Синайского законодательства. Заключительные наставления Моисея обращены к израильтянам, готовящимся войти в землю Ханаанскую, и с особой убедительностью напоминают о долге по отношению к Богу и согражданам. Вся книга дышит строгостью и в то же время милосердием – ведь наставления обращены к новому молодому поколению, выросшему в

скитаниях. В словах Моисея звучит предостережение нарушителям закона, объяснение сущности завета Бога с народом и призыв принять Божественный закон сердцем: «Слушай Израиль! Господь, Бог ваш, Господь один есть. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим, и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась, и вставая» (Втор. 6:4–5).

Невиим, или Пророки

Пророками Танах (Ветхий Завет) называет людей, которых Бог наделил даром предвидения. Нави – а именно так звучит слово *пророк* на древнееврейском языке – буквально означает *вещатель*, то есть тот, кто не таит в себе, а возвещает другим знание, открывшееся его внутреннему взору. Для пророка предвидение – это Божий дар, а пророческая деятельность – священный долг.

В древнем иудейско-израильском обществе пророки составляли довольно многочисленное сословие, существовали даже различные пророческие школы. К ним в затруднительных случаях обращались за помощью и простые люди, и цари. В этой среде сформировались такие выдающиеся личности как Илья, Исая, Иеремия, которые находили в себе силы идти против общего движения народной жизни, против отступившего от Божественных законов жречества и погрязших в идолопоклонстве царей. Великие пророки резко отделяли себя от лжепророков, предвещавших лишь то, было угодно правителям и приятно народу.

Пророческий путь непрост: пророков встречали насмешками и издевательствами, подвергали преследованиям, а то и лишали жизни. Голос пророка чаще всего был «гласом вопиющего в пустыне» (Ис. 40:3), но даже тогда, когда пророк хотел бы промолчать, дар Божий оказывался сильнее.

«И подумал я, – говорит Иеремия, – не буду я напоминать о Нем, не буду больше говорить во имя Его; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и – не мог» (Иер. 20:9). Влекомый этой непреодолимой силой пророк снова шел к народу предостерегать и увещевать, обличать и призывать.

Устные пророчества, разумеется, старше древнейших пророческих книг. Пророчество – это, прежде всего, обращенная к слушателям проповедь, эмоциональная и образная, наполненная метафорами и символами. Речь пророка часто облекалась в стихи, которые декламировались, а иногда и распевались, сопровождаемые игрой на музыкальных инструментах. В результате создавалась атмосфера особой эмоциональной напряженности, придававшей словам пророка необыкновенно сильное звучание.

Речи пророков передавались из уст в уста, а позднее записывались. Эти записи обрабатывались и редактировались как самими пророками, так и их учениками и последователями. Так возникали книги пророков – сборники проповедей, иногда сопровождаемые рассказом о самом пророке или об обстоятельствах при которых была произнесена та или иная речь.

В иудейской традиции книги пророков принято делить на две большие части: «ранние пророки» и «поздние пророки». Последние, в свою очередь, подразделяются на так называемых «великих» и «малых».

Ранние пророки

К разделу «ранние пророки» относятся: книга Иисуса Навина, книга Судей, две книги Самуила (в христианской традиции – первая и вторая книги Царств) и две книги Царей (в христианской традиции – третья и четвертая книги Царств).

Книга Иисуса Навина является непосредственным продолжением Пятикнижия. Имя Иисус (древнеевр. Иегошуа или Иешуа – *Бог в помощь*) герою этой книги было дано Моисеем. И именно ему, Иисусу Навину, было предназначено судьбой завершить освобождение Израиля из египетского рабства. Под его водительством народ прошел через расступившиеся воды Иордана и вступил на землю обетованную, разделив ее между двенадцатью коленами Израиля.

Книги Судей, Самуила и Царей рассказывают о периодах подъема и падения Израильского общества: о смутных временах духовного упадка, политической анархии и, как следствие, порабощения народа Израиля воинственными соседями; о возрождении народа и государства во времена Давида и Соломона; о его разделении на два царства – Израильское и Иудейское.

Много места в книгах Царей отводится рассказам о пророках, обличавших отступничество и призывающих к раскаянию и вместе с тем предвидящих будущее возрождение Богом избранного народа во времена Мессии.

Среди библейских образов ранних пророков особое место занимает образ Ильи. Илья-пророк предстает в Ветхом Завете как яростный ревнитель Яхве, восстающий против смешения культа истинного Бога с поклонением языческому Ваалу. Вступая в борьбу со жрецами Ваала и израильскими царями, Илья-пророк проявляет почти божественную силу и власть, совершая невероятные чудеса. В библейских рассказах об этих чудесах явно прослеживаются фольклорно-сказочные мотивы, органично вплетенные в общую ткань ветхозаветного повествования. По слову Ильи наступает засуха, расступаются воды Иордана, возвращается к жизни умерший ребенок. По его призыву, обращенному к Яхве, с небес сходит огонь, поглощающий и жертвенного тельца, и дрова, и камни, и землю, и разлитую вокруг воду. Завершая свой земной жизненный путь, Илья-пророк не умирает, а живым возносится на небо на огненной колеснице.

Преобладающие в ветхозаветном образе Ильи-пророка мифопоэтические и сказочные черты усиливаются в устном народном творчестве, особенно в эпоху средневековья. Например, в славянской фольклорной традиции Илья-пророк наделяется чертами дохристианского бога Перуна, в его распоряжение отдаются небесные громы и молнии.

Тесное переплетение религиозных идей с фольклорно-сказочными мотивами заметно и в ветхозаветном рассказе о поединке Давида и Голиафа (1 Царств 17:4–52), отразившем борьбу израильских племен против филистимлян, а в более широком смысле символизирующем то, что перед непоколебимой верой, преданностью Богу и избранному им народу бессильны оружие и броня, исполинская сила и мощь.

Особое место среди библейских героев занимает царь Соломон, изображенный в ветхозаветных книгах величайшим из мудрецов. Третья книга Царств рассказывает почти сказочную историю о том, как Бог явился Соломону во сне и сказал: «Проси, что дать тебе». Соломон попросил «сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло» (3 Царств 3:9). В ответ Соломон получает драгоценный дар мудрости, а вместе с ним богатство и славу: «Подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет» (3 Царств 3:12). Подтверждением царской мудрости служит знаменитый «Суд Соломона» (3 Царств 3:16–28), который с библейских времен является символом мудрого решения – справедливого, пронизательного и окончательного, не допускающего двойственных толкований и половинчатых ответов. Легенды о Соломоне легли в основу многих средневековых преданий (иудейских, христианских и мусульманских), фольклорно-поэтических сказаний и литературно-художественных произведений.

Поздние пророки

В раздел «поздние пророки» вошли 15 произведений, написанных в период между VIII и V вв. до н.э. Двенадцать книг малых пророков – Осии, Иоила, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея, Захарии, Малахии – невелики по объему и в иудейском варианте Библии могут быть объединены в одну книгу. Основную часть раздела составляют книги великих пророков – Исаяи, Иеремии, Иезекииля.

Книга Исаяи

Книга Исаяи, открывающая раздел «поздние пророки», представляет собой сборник, состоящий из нескольких произведений, сведенных воедино и приписываемых ветхозаветной традицией Исаяе – основателю пророческой школы. В составе этой книги отчетливо выделяются три самостоятельных произведения: проповеди пророка, жившего до вавилонского пленения (собственно Исаяя, гл. 1–39), и две группы проповедей послепленного периода (так называемые Второисаяя, гл. 40–55 и Третьеисаяя, гл. 56–66). Соединенные вместе они представляют собой одно из наиболее ярких произведений пророческой литературы.

По широте содержания и по форме изложения книга Исаяи, пожалуй, не имеет себе равных среди пророческих книг. В речах пророка слышится громовой голос древних вождей Израиля. Выразительно и драматично звучит повествование о призвании к пророчеству: «И сказал я: горе мне! Погиб я! Ибо человек с нечистыми устами, и живу среди народа такого же с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: Кого Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Ис. 6:1–8). В этих строках, через тысячи лет навеявших Пушкинского «Пророка», мощно и вместе с тем пронзительно звучит тема пророческого предназначения.

Исаяя начинает свою проповедь с обличения внешнего, мертвого культа. Вся храмовая обрядность оказывается излишней и бессмысленной, раз нет главного – строгого подчинения тому мировому порядку, который мыслится как воплощение Божественной воли: «И земля осквернена под живущими на ней; ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет» (Ис. 24:5).

Исаяя первый пророчествует о Мессии, Спасителе, идеальном праведнике, в котором добро полностью восторжествует над злом: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил... Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе» (Ис. 7:14–15). Исаяя трактует образ Спасителя глубоко духовно. Мессия для Исаяи не только и не столько царь, жестоко карающий, сколько Спаситель, возвеличивающийся в своем страдании. Его царствование – это царствование нравственное и духовное: «...нет в Нем ни вида, ни величия;... Он был презрен и умален перед людьми... И мы отвращали от него лице свое;... Но он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:2–5).

Пророческий голос стремится пробудить равнодушный народ, указывая на грядущее его возвышение под знаменем Мессии. Но прежде возвышения народ должен очиститься в страдании. Унижение и горе, осознанные как заслуженная кара Господня, откроют путь справедливости и умиротворению. Речь пророка обращена не только к народу Израиля, но и

к другим народам языческим: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. 9:2).

С приходом Мессии начнется восстановление всеобщего миропорядка: с освобождением человека от рабства греха преобразится весь мир: и земля, и небо. Все народы примирятся: «...и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2:4). Будущее общество видится Исае царством справедливости, где не будет места злу, притеснениям и неправде, где «поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц» (Ис. 25:8). Примирение народов станет прологом восстановления всеобщей гармонии, которая видится Исае не в туманных очертаниях, а в ясных и определенных образах: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11:6).

Книга пророка Иеремии

Пророку Иеремии было суждено стать свидетелем гибели Иерусалима и покинуть страну вместе со своим народом. В Библии две его книги: «Книга пророка Иеремии» и «Плач Иеремии», которая включена в раздел «Писания».

В пророческих проповедях Иеремии сливаются воедино социальные, религиозные и этические мотивы, темы грядущей кары и последующего обновления, столь характерные для всей пророческой литературы.

Обличая идолопоклонство и порочность правителей и простого народа, Иеремия с болью и гневом говорит об отступничестве священников и пророков. Убежденные в неизменности Божественного покровительства избранному народу они забывают о Боге, все более отдаляясь от него, подменяя его слова своими: «Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон; а у которого – Мое слово, тот пусть говорит слово Мое верно. Что общего у мякины с чистым зерном? Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Поэтому вот, Я – на пророков, которые крадут слова Мои друг у друга. Вот, Я – на пророков, говорит Господь, которые действуют своим языком, а говорят: Он сказал» (Иер. 23:28–31).

Смысл пророческих речей Иеремии, обращенных к народу Иудеи, очевиден: отступничество должно быть наказано. Прежде прощения и помилования должна осуществиться заслуженная кара. Предрекаемое опустошение страны и пленение иудейского народа – не внешние обстоятельства, а знак богооставленности: «Ибо кто пожалеет о тебе, Иерусалим? И кто окажет сострадание к тебе? И кто зайдет к тебе спросить о твоём благосостоянии? Ты оставил Меня, говорит Господь, отступил назад; Поэтому Я простру на тебя руку Мою и погублю тебя: Я устал миловать» (Иер. 15:5).

Только горький опыт изгнания и многолетние страдания на чужбине откроют иудейскому народу путь к возвращению: «Вот, Я соберу их из всех стран, в которые изгнал их во гневе Моем, и в ярости Моей, и в великом негодовании, и возвращу их на место это и дам им безопасное житие. Они будут Моим народом, а Я буду им Богом. И дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись Меня во все дни жизни, ко благу своему и благу детей своих после них» (Иер. 32:37–39).

Книга пророка Иезекииля

В период Вавилонского пленения пророки стремились осмыслить трагические события иудейской истории VI в. до н.э., представить себе дальнейшую судьбу избранного

народа. Особое место среди произведений пророков этого периода занимает книга Иезекииля.

Хотя Иезекииль не был непосредственным участником событий, повлекших за собой гибель Иерусалима в 587 г. до н.э., события эти наложили неизгладимый отпечаток на всю его пророческую деятельность. Книга открывается насыщенным таинственной символикой рассказом о видении Иезекиилю «Божественной славы». Яркое и образное описание этого видения стало впоследствии одной из любимых тем иудейской и христианской мистики.

В бурных порывах ветра и языках огня Иезекиилю явились четыре таинственных животных, каждое из которых обладало четырьмя лицами (человека, льва, тельца и орла), четырьмя крыльями, скрывающими их тела и руки, и нечто, находящееся над ними, сияющее и пламенеющее. Животные двигались как молнии, «каждое по направлению лица своего». Рядом с каждым из них были таинственные колеса: «...а ободья их – высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз». Над ними – «подобие свода, как вид изумительного кристалла», подобие престола, а выше – «подобие человека», в огне и радужном сиянии. И раздался «глас глаголющего»: «Сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым... И эти сыны с огрубелым лицом и с жестоким сердцем, – к ним Я посылаю тебя, и ты скажешь им: так говорит Господь Бог!» (2:3–4).

В Библии неоднократно встречаются сюжеты богоявления для призвания на пророческое служение. Но видение Иезекииля отличается от других нагнетанием весьма экзотических и таинственных символов, настолько непривычных для иудейской традиции, что Талмуд даже запрещал их публичное истолкование, а чтение этой книги разрешалось только по достижении тридцатилетнего возраста. Это видение, получившее позднее название «Меркава (*колесница*) Яхве», послужило основанием для мистической философии меркавизма, появившегося в Палестине в I в. н.э. и соединившегося затем с мистикой каббалы.

Книга Иезекииля содержит и другие «видения», связанные с общей концепцией ветхозаветных пророчеств, – идеей кары, постигшей избранный народ за вероотступничество и идолопоклонство. Но на передний план выдвигается другая, особенно актуальная в условиях изгнания, тема – грядущее возрождение Иерусалима: народа, города и храма. Иезекииль создает потрясающую картину воскресения мертвого народа: «Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них... И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, – и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище» (37:7–10).

Буквальное воскресение плоти символизирует подлинное возрождение избранного народа, оживающего плотью и духом: «И узнаете, что Я – Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, – и узнаете, что Я – Господь, сказал это – и сделал» (37:11–14). Не ограничиваясь общей идеей, пророк рисует картину возрождения иудейской государственности, подробно рассказывает, каким будет восстановленный храм, каково будет содержание законов, какой будет новая жизнь, исполненная служением Богу.

Кетувим, или Писания

В разделе «Писания» объединены 13 книг Танаха. В их числе – поэтические, философские, исторические и пророческие произведения.

К поэтическим книгам относятся книги Псалмов, Песнь Песней и Плач Иеремии. Это блестящие образцы лирической древнееврейской поэзии, для которой характерен своеобразный параллелизм, основанный не на рифме-созвучии и не на ритмике чередования уда-

рений, а на синонимическом повторении одной и той же мысли или на соединении в одной строфе двух антитез.

Три философских произведения – книги Екклесиаста, Иова и Притч – объединены общей проблемой – поиском смысла жизни. Скептическая книга Екклесиаста рассматривает эту тему в самом широком контексте. Трагическая книга Иова стремится понять причины и смысл человеческого страдания. А назидательная книга Притчей учит быть мудрым в повседневной жизни.

В состав исторических книг этого раздела вошли две книги Паралипоменон (называемые иначе Хроники или Летописи), повторяющие и дополняющие основное содержание исторического комплекса книг Судей – Самуила – Царей; а также книги Ездры и Неемии, посвященные истории возвращения иудеев из вавилонского плена и восстановления Иерусалимского Храма.

Особняком в разделе Писаний стоит книга пророка Даниила, часто называемая «Ветхозаветным апокалипсисом», а также два небольших произведения, названных по именам их героинь – Руфи и Есфири.

Книга Псалмов (Псалтырь)

Книга Псалмов представляет собой собрание 150 молитвенных песнопений, предназначенных преимущественно для исполнения в храме. Греческим словом «псалмос» обозначается пение в сопровождении похожего на арфу музыкального инструмента – псалтириона (отсюда русское название книги – *Псалтырь*). Древнееврейское именование этой книги – «Техилим» – переводится как «хвалебные песни, восхваления». Таким образом, греческое название указывает на внешнюю форму произведений, собранных в этой книге, а древнееврейское – на их характер.

Авторство большинства псалмов иудейская традиция приписывает царю Давиду. Кроме него среди авторов псалмов значатся царь Соломон, Моисей, Асаф и другие. По характеру и жанру (иногда указанному в заголовке) можно выделить различные типы псалмов: хваления (гимны), молитвы, славословия, благодарности, поучения, плачи, прошения, царские, пророческие и проклинающие псалмы. Вместе с тем такое деление обладает некоторой условностью, потому что не у всех псалмов характер так очевиден, как например, в завершающем книгу псалме (Пс. 150): «Хвалите Бога во святыне Его...».

Некоторые псалмы с трудом поддаются типологизации, поскольку представляют собой синтез различных жанров и стилей. К их числу относится безусловный шедевр ветхозаветной литературы – псалом 21-й, соединивший в себе и молитву, и плач, и пророчество. Псалом 21-й и следующие за ним 22-й и 23-й образуют своеобразную трилогию о страданиях мученика и о грядущем воздаянии тому, «у кого руки неповинны и сердце чисто» (Пс. 23:4). Позднее, христианство, унаследовавшее от иудаизма весь канон ветхозаветных книг (в том числе и «Псалтырь»), назовет эти псалмы образами, предвосхищающими переживания Иисуса Христа в его крестных страданиях. Представленный в 21-м псалме образ мученика будет воспроизведен в евангельских текстах почти буквально, с подробностями о дележе одежд и бросании жребия. А первые строки этого псалма станут словами, которые произнесет распятый Христос.

Песнь Песней

Само название книги говорит о ее исключительном положении в древнееврейской литературе. Традиция приписывает ее составление царю Соломону, не раз упоминаемому в книге. С потрясающим мастерством в этом произведении представлены лирико-драматиче-

ские описания чувства любви и живой человеческой страсти. Завершается «Песнь Песней» величественным гимном верности любви, навеки соединяющей сердца: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она – пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением» (Песн. 8:6–7).

В рамках иудейской религиозной традиции Песнь Песней считается аллегорическим изображением отношений Яхве и избранного им народа.

Книга Екклесиаста

Книга Екклесиаста – одна из самых сложных для понимания книг Ветхого Завета и вместе с тем одна из самых цитируемых. Мировая культура почти целиком вобрала в себя этот небольшой по объему текст в виде крылатых фраз и метких афоризмов.

Екклесиаст – это не имя: в переводе с древнегреческого – это *проповедующий в собрании*. В Танахе эта книга называется «Кохелет», что приблизительно тоже переводится как *проповедник*. Впрочем, по своей форме это произведение – не столько проповедь, сколько исповедь человека, стремящегося постичь смысл жизни. В этой книге нет сюжета. Ее содержание составляют философские размышления, облаченные в форму развернутых поэтических образов и лаконичных емких фраз, размышления полные противоречий и неожиданных поворотов мысли. У Екклесиаста свой взгляд на мир и человека, существенно отличающийся от общей мировоззренческой установки Танаха (Ветхого Завета). В своем стремлении «испытать мудростью все, что делается под небом», Екклесиаст приходит к крайне пессимистическому выводу: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!» (Еккл. 1:14). Эта фраза рефреном проходит через все произведение. Жизнь и в лучших, и в худших ее проявлениях однообразна и бесплодна, суетна и бесцельна, ибо все идет по кругу: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9). Но на фоне этого вселенского круговорота жизнь отдельного человека полна случайностей и непредвиденных обстоятельств, а потому, говорит Екклесиаст, «на месте суда – беззаконие, а на месте правды – неправда». Во времени господствует случай, который дает победу – трусливым, власть – недостойным, богатство – неразумным. И не во власти человека что-либо изменить. У жизни есть свой внутренний, скрытый от человеческого понимания ритм, меняющий противоположности местами и превращающий случайность в закономерность, ибо «всеу свое время, и время всякой вещи под небом» (Еккл. 3:1).

Пессимистический тон размышлений Екклесиаста проявляется и в его двойственном отношении к человеческой мудрости. Мудрость безусловно имеет ценность. Екклесиаст говорит: «Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою», «слова из уст мудрого – благодать, а уста глупого губят его же». Мудрость учит человека воспринимать жизнь как данность: «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй» (Еккл. 7:14). И вместе с тем именно мудрость открывает глаза на суетность и трагическую бесцельность жизни, а потому «во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18).

Вся книга Екклесиаста пронизана острым переживанием смерти, перед лицом которой тускнеет все, что казалось значимым: «Всеу и всем – одно: одна участь и праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому... Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Еккл. 9:2–4). Никакая мудрость не спасает от смерти, потому что «мудрый умирает наравне с глупым».

Суждения Екклесиаста о посмертной участи тоже противоречивы. В одном месте говорится: «...и возвратился прах в землю, чем он был; а дух возвратился к Богу, который дал его» (Еккл. 12:7). В другой главе утверждается, что «Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти... и нет у человека преимущества перед скотом» (Еккл. 3:19). Но при всем различии, ни одно из этих высказываний не отменяет неизбежности смерти. А потому смыслом жизни, по мнению Екклесиаста, оказывается сама жизнь: «Итак, иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим... Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Еккл. 9:7–10).

Размышления Екклесиаста о смысле человеческой жизни затрагивают такой широкий спектр вопросов и задают так много тем для раздумий, что превращают небольшой по объему текст в неиссякаемый источник философской рефлексии.

Очевидно именно противоречивость, многоплановость и неоднозначность трактовок этого религиозно-философского произведения привели к тому, что к основному тексту был добавлен явно инородный, написанный от третьего лица эпилог, расставляющий акценты в русле узкого религиозно-догматического толкования: «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека. Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо» (Еккл. 12:13–14).

Книга Иова

Книга Иова является одновременно и глубоким философским трактатом, и драмой, и великой поэмой. За сюжетной простотой повествования встает поистине неисчерпаемая тема: в чем причина и смысл человеческих страданий? Самим фактом постановки этой проблемы и поиском ответов, книга Иова полемизирует с позицией ветхозаветных пророков, полагававших, что царящее в мире зло и несчастья есть следствие отступления от Бога.

Герой книги – праведник, «боящийся Бога и уклоняющийся от зла». И вот на такого человека обрушиваются все возможные беды: Сатана насылает бурю, которая губит все стада и богатства, обрушивает дом, под обломками которого гибнут сыновья и дочери Иова. Но убитый страшным горем Иов не изменяет себе и своему Богу: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1:21). Тогда Сатана насылает на Иова проказу. И все отворачиваются от него: жене стал тяжел его запах, слуги обходят его стороной, а те, кто раньше были счастливы увидеть его улыбку, отворачиваются с содроганием.

Трое друзей Иова – их горячие споры составляют большую часть книги – убеждены в том, что страдание, налагаемое Богом – это кара за грехи. А значит, надо покаяться в своих грехах, чтобы получить прощение. Вера Иова в справедливый божественный миропорядок вступает в мучительное противоречие с его знанием о своей невинности, как и о невинности других несчастных, чьи страдания открываются его взору. И Иов не выдерживает этого напряжения, проклиная и ночь, в которую был зачат, и день, в который родился, он требует ответов от Бога: «Я взываю к Тебе, и Ты не внимлешь мне, – стою, а Ты только смотришь на меня. Ты сделался жестоким ко мне; Крепкою рукою враждуешь против меня» (Иов 30:20–21). Но друзья Иова не успокаиваются: выдвигая довод за доводом, выстраивают они сухие логические конструкции, лишённые собственного опыта подлинного страдания. Этот бесконечный поток гладких и безупречных фраз в одно мгновение сметается громовым раскатом живого Божественного голоса: «Кто этот, омрачающий Провидение словами без смысла?... Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй мне: Где ты был когда я полагал основания земли? Скажи, если знаешь... Давал ли ты когда в жизни своей приказание утру и

указывал ли заре место её... Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?... Будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает ему» (Иов, гл. 38, 39).

В речах Бога разворачивается потрясающая картина величия мироздания, всю широту и глубину которой не в состоянии охватить человеческий рассудок, но способна воспринять доверившаяся Богу душа, ибо жизнь всегда больше и значительнее любых страданий. Потрясенный Иов раскаивается и признает свое поражение: «Вот, я ничтожен; что буду я отвечать тебе? Руку мою полагаю на уста мои» (Иов 39:34). И это поражение дороже и значительнее многих побед, потому что открывает простор для преображения души. Только осознав, что совершенной праведности не может быть на земле, Иов понимает главное: страдания праведников – не кара, а испытание, путь к духовному очищению и совершенствованию.

Книга Притчей Соломоновых

Притчи Соломоновы – это собрание мудрых высказываний, включающее пословицы, загадки, афоризмы. Книга, авторство которой традиционно приписывается царю Соломону, вобрала в себя многовековую мудрость народов Ближнего Востока. Вероятно, среди составителей этой ветхозаветной книги были хакамы (от древнеевр. хокма – *мудрость*) – мудрецы, собиратели фольклора.

Притчи Соломона обращены к отдельному человеку независимо от его социального положения и образования, в них отсутствуют исторические черты, не звучат мессианские ожидания. Они представляют собой выраженное в формах поэтично-дидактической речи универсальное учение о мудрости, которая понимается как божественное откровение.

Притчи царя Соломона касаются жизни человека во всем ее многообразии и представляют собой наставления о том, как правильно судить о мире и мудро поступать в тех или иных житейских ситуациях. Мудрость дана Богом и реализуется в виде разнообразных добродетелей – милосердия, трудолюбия, честности и т.п., безумием же называется всякий грех – корыстолюбие и взяточничество, насилие и убийство, пьянство и прелюбодеяние, ложь и гордыня, тщеславие и высокомерие: «Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставления»; «Мудрые наследуют славу, а глупые – бесславие»; «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым»; «Погибели предшествует гордость, и падению надменность»; «Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собой лучше завоевателя города»; «Кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным»; «Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание»; «Наблюдающий над душой своею знает это, и воздаст человеку по делам его».

Книга Притч Соломоновых, заключающая в себе неисчерпаемое богатство религиозно-нравственного назидания, пользовалась большим уважением не только в иудейской, но и в христианской среде. Отголоски ее влияния заметны как в Новом Завете, который содержит много указаний на различные изречения этой книги, так и в более поздней религиозной и светской литературе.

Книга пророка Даниила

Книга Даниила выделяется из числа пророческих книг Ветхого Завета не только расположением в иудейском каноне (она находится в разделе «Писания», а не «Пророки»), но и характером повествования. По сути, она является ветхозаветным апокалипсисом (от греч. *apokalypsis* – *проць покров*), то есть откровением Бога о конечных судьбах мира и человеческой истории.

Книга написана в период длительной и ожесточенной борьбы еврейского народа за свободу и религиозно-политическую самостоятельность. Своеобразным знаменем этих устремлений стал призыв к защите традиций, самобытности и преданности своему Богу. Все эти бурные события иудейской истории нашли прямое или косвенное отражение в книге, рассказывающей о мужестве и подвигах пророка, о чудесах Даниила, совершаемых с помощью Яхве, но главное – о видениях и пророчествах, предсказывающих судьбу государств и народов.

Вошедшие в книгу рассказы о чудесах, которые совершает пророк Даниил с помощью Бога, свидетельствуют о том, что в Танахе (Ветхом Завете) нашел отражение древний, существовавший еще в устной традиции и весьма популярный образ Даниила-чудотворца. Источник ветхозаветных чудес – непоколебимая вера в Бога и преданность Ему. В одном случае, оказавшийся волей судьбы при дворе вавилонского царя Навуходоносора Даниил решительно отказывается от царских яств, несоответствующих иудейским предписаниям, но чудесным образом остается «красивее и полнее» тех, кто нарушал религиозно-диетарные запреты. В другом – брошенный в ров со львами Даниил спасается молитвой и остается невредимым (в последствии этот мотив – о предании праведника на растерзание диким зверям и о неожиданно ласковом отношении зверей к невинному человеку – станет излюбленным в жизнеописаниях христианских святых).

Пророческая мудрость, которой наделен Даниил, представлена в повествовании как награда за непоколебимую преданность Богу Яхве. Именно Божий дар позволяет Даниилу понимать и истолковывать то, что другим мудрецам не под силу. Например, только Даниилу удастся объяснить смысл таинственной надписи в знаменитой истории о пире Валтасара. Книга пророка Даниила рассказывает, как вавилонский царь Валтасар в ночь взятия Вавилона персами устроил грандиозный пир. В разгар пира, на котором в качестве столовой посуды были использованы священные сосуды из захваченного вавилонянами Иерусалимского храма, таинственная рука начертала на стене неведомые письмена: «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН». Никому не удалось прочесть и понять эту надпись. Только Даниил сумел истолковать слова, предсказывающие гибель и Валтасару, и Вавилону: «Вот – и значение слов: МЕНЕ – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ – ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5:26–28). «В ту же ночь, – утверждает ветхозаветный автор, – Валтасар, царь Халдейский был убит. И Дарий Мидянин принял царство» (Дан. 5:30–31). С библейских времен «Пир Валтасара» – символ беспечного, легкомысленного существования на краю гибели, бездумно роскошной жизни во времена надвигающейся катастрофы.

Только Даниил оказался способен истолковать символическое значение сна царя Навуходоносора. Царь видел во сне огромного и страшного истукана, у которого «голова была из чистого золота, грудь и руки его – из серебра, чрево и бедра его – медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные» (Дан. 2:32–33). Камень, оторвавшийся от горы, ударил истукана в глиняные ноги, и разбил их. Рухнул колосс на глиняных ногах и «все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах... и ветер унес их, и следа не осталось от них, а камень... сделался великою горою и наполнил всю землю» (Дан. 2:35). Даниил толкует этот сон как пророчество о сменяющихся друг друга царствах, среди которых каждое последующее – ниже и слабее предыдущего. Изложенная таким образом будущая история мировых держав призвана наглядно показать непрочность и зыбкость любых человеческих созиданий – все они рухнут, и на их обломках «Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится» (Дан. 2:44).

Эта же тема настойчиво повторяется в насыщенных фантастическими образами апокалиптических видениях Даниила, самое яркое из которых – «видение четырех зверей». Даниил так повествует о своем пророческом видении: «Четыре ветра небесных боролись на

великом море, четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого» (Дан. 7:2–3). Первый – лев с орлиными крыльями, второй зверь был подобен медведю с тремя клыками, третий зверь был подобен барсу с четырьмя головами и четырьмя крыльями. Наконец, настала очередь четвертого зверя, еще более страшного и ужасного, чем предыдущие: с железными зубами, десятью рогами, сокрушающего и пожирающего все вокруг себя. Звери эти обладают огромной властью, но и эта власть, и сама их жизнь оказываются временны. Даниил истолковывает образы четырех зверей как символы четырех царств, «восставших от земли». Но все эти царства ждет гибель и разрушение, и только царство «святых Всевышнего» будет вечным. Более поздняя иудео-христианская традиция интерпретировала четырех зверей как четыре царства языческого мира – вавилонское, персидское, македонское и римское – самое сильное и страшное, но, также как остальные, обреченное на гибель.

В апокалиптических главах книги Даниила получает дальнейшее развитие ветхозаветный образ Мессии – «сына человеческого», грядущего идеального царя-помазанника; явственно выражена вера в неизбежность Страшного суда, воскресение праведников и воцарение их в царстве Божьем. Это откровение Даниилу о последних временах в соответствии с традиционной трактовкой апокалиптических видений, считается сокровенной тайной, время открытия которой еще не пришло: «А ты, Даниил, сокрой слова эти и запечатай книгу эту до последнего времени; многие прочтут ее, и умножится видение» (Дан. 12:4).

Позднее, во времена создания собственно христианской литературы, многие темы и мотивы из книги Даниила вновь зазвучат в апокалипсисах, и прежде всего, в Откровении Иоанна Богослова – эсхатологическом завершении в ряду новозаветного канона.

Несмотря на канонически закреплённый состав и порядок расположения библейских книг, в эпоху раннего Средневековья в иудейском обществе находились в обращении различные варианты и многочисленные переводы Священного писания. Работа по установлению точного библейского текста была осуществлена в VII–IX вв. так называемыми масоретами (от древнеевр. «масора» – *традиция, предание*) – хранителями иудейской традиции. Масореты установили строгий порядок переписывания Танаха: расположение отдельных глав, количество стихов и глав в каждой книге и во всей Библии.

Определенные проблемы в процессе закрепления масоретского канонического текста были связаны с особенностями древнееврейской письменности, фиксирующей только согласные звуки. Огласовка гласными на письме никак не отражалась и передавалась устно от поколения к поколению. Для того чтобы сохранить библейский текст от каких бы то ни было искажений не только при переписывании, но и при чтении, масореты разработали систему специальных значков для передачи гласных звуков, ударений, интонаций и других особенностей речи. Было сосчитано количество букв в каждой книге, все слова, все знаки, общее число букв в Торе и т.д., – что должно было практически исключить возможность каких-либо ошибок. Таким образом, был окончательно утверждён состав иудейской Библии, получившей название «Масоретской».

Вместе с тем, целый ряд пользующихся авторитетом книг по разным причинам был отвергнут иудейским канонами. К их числу относятся вторая и третья книги Ездры; книга Товита; книга Иудифи; Премудрости Соломона; Премудрости Иисуса, сына Сирахова; Послание Иеремии; книга Варуха и три книги Маккавейские. Православная и католическая Библии содержат эти, так называемые второканонические книги, а в протестантской Библии, так же как в иудейском каноне, этих книг нет. Поэтому Ветхий завет в православной Библии состоит из 50 книг, в католической – из 45, а в протестантском варианте – из 39 книг.

Талмуд

Особое место в еврейской литературе занимает Талмуд (евр. «ламейд» – *изучение*). Это общее название книг, составленных иудейскими законоучителями на протяжении I–V вв. Основным способом изложения было комментирование писания применительно к всевозможным жизненным ситуациям. Талмуд представляет собой пестрое собрание религиозно-этических, социально-экономических и правовых норм, художественных произведений, практических и научных сведений. На основании выраженных в общем виде законов Торы, талмудическая традиция формулирует 613 повелений и запретов, призванных регламентировать все стороны жизни иудея.

На первый взгляд Талмуд кажется хаотичным нагромождением искусственно соединенных эпизодов, дискуссий и изречений. В действительности же он обладает внутренней логикой ассоциативных переходов от одной темы к другой, что является одной из характерных особенностей всей ближневосточной литературы. В талмудических текстах тесно переплетаются две составляющие: галаха (*закон, образ действий, обычай*) – законы и предписания, регулирующие жизнь верующего иудея во всех ее аспектах, и агада (*сказание, легенда*) – мифы, исторические и псевдоисторические предания, сказки, притчи.

Галаха, или Мидраш-Галаха представляет собой правовую традицию, связанную с религиозным уставом. В ней собраны детали обрядов, согласованных с днями, праздниками и обстоятельствами, дополненные некоторыми мыслями о вере и жизни, что делает книгу похожей скорее на юридический, чем на вероучительный документ. Туда вошли и новые, по сравнению с временами Пятикнижия, законы, имевшие утилитарный характер.

Галаха складывалась на протяжении веков, являясь живой традицией. В Средние века ведущие ученые-раввины выработали целую систему ответов на вопросы, возникающие у изучающих Талмуд. Постоянное увеличение количества раввинистической литературы привело к необходимости систематизации Галахи. Этим занимались в XI в. раввин Исаак Алфази (он составил первый кодекс), в XIII в. Маймонид (книга «Повторение Торы»), в XIV в. раввин Иаков бен Ашера (труд «Четыре ряда») и наконец, в XVI в. раввин Иосиф Каро, создавший свод законов Галахи «Накрытый стол» (Шулхан Арух).

Агада – обширный комментарий библейского текста, представляющий собой повествовательную традицию. Это история, отражающая основные моменты иудейской религии. В ней тесно переплетаются элементы народной мудрости, научных знаний, этики и теоретического богословия. Практически все толкования Писания строятся на материале Агады с небольшими вставками Галахи. Истории, записанные в Агаде, часто ярко, художественно оформленные, рассчитаны на сильное эмоциональное воздействие. В отличие от юридического, в определенной степени безличного характера Галахи, в Агаде находит отражение живой личностный дух ветхозаветного учения. О характере агадических повествований можно составить представление по некоторым отрывкам из Талмуда: «Рабби Ханина бен Иди сказал: Почему слово Торы уподобляется воде, как написано: «Жаждающие! Идите все к водам» (Исайя 55:1)? Чтобы показать, что как вода покидает высокие места и идет в низкие, так и слово Торы покидает высокомерных и остается со смиренными» (Таанит, 7а).

«Император спросил рабби Йегошуа бен Ханания: «Что придает вашему мясу, которое вы готовите по субботам, такой аромат?» Он ответил: «У нас есть пряность под названием Шабат, которая, если ее положить в мясо, дает такой аромат». Император сказал: «Дай мне немного этой пряности». Он ответил: «Пряность действует у того, кто соблюдает Субботу, и не действует у того, кто не соблюдает» (Шабат, 119а).

«Зачем человек был создан в пятницу? Затем, что, если он слишком захочет повелевать, ему бы сказали: мошка была сотворена перед тобой» (Санхедрин, 38а).

Наиболее ранней частью Талмуда является **Мишна** («изложение» Учения), состоящая из 63 трактатов («массехет»), объединенных в шесть разделов («седер»). Позднее, когда Ветхий завет и Мишна стали объектом дальнейшего комментирования новыми поколениями толкователей, была создана **Гемара** («окончание», «завершение»). Вслед за отдельными параграфами Мишны стали располагать соответствующий текст Гемары. Существуют два варианта Гемары. В зависимости от того, какая Гемара присоединяется к Мишне, различают два варианта текста Талмуда – Иерусалимский, созданный в начале IV в. в среде палестинских таннаев («учителей») и Вавилонский, изданный в Месопотамии около 500 года. Последний по объему больше Иерусалимского на треть и считается более авторитетным.

Мишна («повторение учения») – древнейшая часть Талмуда, содержащая записи устных религиозных правил и предписаний. Согласно иудейским представлениям, на горе Синай Моисей получил не только пять книг, но и устные, тщательно разработанные законы и постулаты веры. Эта, так называемая «Тора в памяти», передавалась из уст в уста от пророков к мудрецам, от учителей к ученикам, пока не была записана в Мишне.

В I в. до н.э. появилась Мишна ришона (первое повторение Закона), от нее сохранились фрагменты, а полная Мишна была составлена около 200 г. н.э. раввином Иегудой Ханаси. Название, вероятно, связано с тем, что эти правила первоначально повторялись для заучивания наизусть. Книжники учили в специальных академиях, при синагогах или при храме. Их беседы обычно были краткими, в форме афоризмов. Слушатели старались запомнить их изречения и только иногда прибегали к записям.

Состав Мишны:

1. Посевы (Зраим) – 11 трактатов о земледелии.
2. Праздники (Моэд) – 12 трактатов о субботе и праздниках.
3. Жены (Нашим) – 7 трактатов о законах брака и развода.
4. Ущерб (Нэзикин) – 10 трактатов гражданского и уголовного права.
5. Святыни (Кодашим) – 11 трактатов о храмовой службе, жертвоприношениях и ритуальном убое.
6. Чистота (Тахорот) – 12 трактатов о законах ритуальной чистоты.

Толкование текстов, а затем и комментирование толкований к этим текстам – неотъемлемая часть религиозных и национальных традиций евреев. На протяжении нескольких столетий раввины иудейских академий обсуждали, комментировали, детализировали и уточняли положения Мишны. Одновременно с этим продолжалась работа и по толкованию самого Священного писания. Результатом этой разносторонней комментаторской деятельности стала Гемара (*окончание*).

Толкование считалось необходимым, так как слова могут иметь двойственный смысл, а высказывания могут быть противоречивыми. Основные правила для изъяснения Закона были сформулированы известным раввином I в. до н.э. Гиллелем. Например, если в Писании встречались два противоположных утверждения, Гиллель предлагал считать их истинными в равной степени. Толкователь же должен суметь в самом Писании отыскать основания для комментариев, снимающих это противоречие.

Гемара существует в двух вариантах – Иерусалимском и Вавилонском. Обе редакции Гемары содержат абстрактные и практически-прикладные пояснения к текстам Мишны и ее дополнениям, анализируют способы логического построения рассуждений, обосновывают неразрывность связи между Торой и Мишной, и кроме того, содержат немало отдельных притч, легенд и сказок. Обе Гемары охватывают практически все темы второго, третьего и четвертого разделов Мишны. В Вавилонском варианте нет толкований первого раздела Мишны, а в Иерусалимском – пятого. Совсем немного комментариев относится к шестому разделу.

В целом, Талмуд содержит в сжатом виде то, что явилось результатом многовековых дискуссий иудейских книжников. Поэтому противоречивые тексты Талмуда крайне трудны для чтения, а закреплённые иудейской традицией правила изучения Талмуда обязательно включают в себя не только усвоение сути талмудической аргументации, но и специальное рассмотрение отдельных слов, фраз и предложений, содержащихся в Талмуде.

В иудейской традиции Талмуд стал основой законодательства, судопроизводства, кодексом религиозно-этических правил и руководством в повседневной жизни. Со временем значительная часть предписаний Талмуда стала практически неосуществимой. Сегодня иудеи стараются соблюдать те требования Талмуда, которые регламентируют основные правила религиозной, гражданской и семейной жизни.

Контрольные вопросы

1. Как называется Священное писание в иудаизме? Как образовано такое название?
2. Какие идеи содержатся в первой книге Библии?
3. Какие периоды можно выделить в библейской истории?
4. В какой книге Библии изложены 10 заповедей?
5. Какие идеи служат лейтмотивом пророческих книг?
6. Какие книги и почему объединены в раздел «Писания»?
7. Какую роль в иудаизме играет Талмуд?

Глава 4

Традиции и обряды

Традиции и обряды, постоянно воспроизводимые в повторяющемся ритме праздников, ритуальных установлений и памятных дней, превращают священную историю и абстрактную религиозную идеологию иудаизма в живую систему, определяющую ход мыслей и чувств, мотивацию решений и поступков каждого иудея на протяжении всей его жизни.

В традициях и обрядах иудаизма реализуется связь между сакральным (от лат. sacer – *священный*) словом Бога, обращенным к избранному народу и сакральным действием, подтверждающим преданность народа Богу. В иудаизме служение Богу неразрывно связано с выполнением множества традиционных установлений и обрядовых правил, зафиксированных в талмудических толкованиях Торы и охватывающих все стороны жизни правоверного иудея. Каждое ритуальное действие должно ассоциироваться с определенными историческими событиями и моральными ценностями, составившими фундамент иудаизма. Не случайно человека, исповедывающего иудаизм, называют «шомер мицвот», то есть «соблюдающим заповеди» (а не «верующим», как принято в христианстве), так как вера в понимании иудаизма не может существовать вне исполнения обрядовых установлений.

Скиния – Иерусалимский храм – Синагога

Проследив историческую последовательность смены священного места, где осуществлялись ритуальные действия иудеев, можно увидеть, как своеобразно отражаются в традициях и обрядах ключевые моменты мифологизированной иудейской истории.

Первое сакральное место встречи божественного и человеческого определено, согласно иудейской традиции, самим Богом и зафиксировано в текстах Ветхого Завета. Закон, данный Моисею на Синае, определяет и то, какой должна быть скиния (от греч. skene – *шалаш, шатер*), хранящая «ковчег завета». В последствии древняя скиния, сопровождавшая иудеев в их скитаниях, сменяется Иерусалимским храмом, после разрушения которого особое значение приобретает дом молитвы – синагога (греч. – *собрание*).

Скиния – это переносной шатер для богослужения, изготовленный по велению Моисея во время странствия евреев по пустыне. В нем священники совершали культовые жертвоприношения. О возведении и назначении скинии Моисею сообщил Бог: «Это – всесожжение постоянное в роды ваши пред дверями скинии собрания пред Господом, где буду открываться вам, чтобы говорить с тобою» (Исх. 29:42). Скиния была разделена завесой на две части: «Святое Место», где находились семисвечник, алтарь и стол для «хлебов предложения», и «Святая Святых» с «Ковчегом Завета». Именно в этой части походного святилища, согласно иудейским представлениям, пребывал Яхве. Знаком его присутствия, как утверждали иудейские предания, была «Слава Божья» (Шехина), являвшаяся в виде огненного облака ночью и в виде облака дыма – днем. Перед скинией находился жертвенник и чаша для ритуальных омовений. Скиния выступала своеобразным символом всей Вселенной, а первосвященник, единственный человек, обладавший правом входа в «Святая Святых», олицетворял собою весь народ Израильский. Об этом свидетельствует, в частности, символика одеяний первосвященника, главной частью которых была нагрудная пластина с 12 драгоценными камнями, обозначавшими 12 «колен» избранного народа.

По своему устройству скиния, походное святилище, в котором поклонялись и служили Яхве, вполне соответствовала тем обрядам и предписаниям, которые были изложены в Торе и предназначались для кочующего народа, не имеющего своей собственной территории, своей страны, своих городов и постоянных домов.

С возникновением единого Иудейского царства буквальным и символическим центром богослужения стал построенный царем Соломоном **Иерусалимский храм** Яхве. (Впоследствии, существовавшие одновременно с Иерусалимским храмом места жертвоприношения всячески принижались и истреблялись.) В едином государстве для служения единственному «истинному» Богу был предназначен единственный храм. Несмотря на свои внушительные размеры, Иерусалимский храм, по сути, был той же скинией, только воспроизведенной в камне. Внутреннее устройство в точности повторяло походное святилище, и даже богослужения оставались в прежнем виде, только значительно увеличилось число священников Иерусалимского храма. Священническая традиция восходит к временам Моисея, когда впервые упоминаются священники, избранные Богом для проведения культовых действий. Ими стали брат Моисея Аарон и его сыновья (Исх. 28), а затем отданные им в подчинение левиты (потомки колена Левия) (Чис. 3:6). Священство стало передаваться левитами по наследству. Они не имели права владеть землей, а их обязанностью стало руководство всей деятельностью, связанной с религией: наставления в вере, ее толкование, организация и проведение обрядов и ритуалов, присмотр за храмом и т.д. Появление жреческих родов способствовало выработке Жреческого кодекса, сложившегося еще до пленения. Возникла и священническая иерархия, упорядоченная во времена жреца Ездры и просуществовавшая вплоть до разрушения второго храма.

В религиозном отношении приверженцы иудаизма, независимо от того, где проживали, составляли единую общину и подчинялись ее правилам. Ее политической формой была храмово-городская община Иерусалима, состоявшая из определенных родов, управлявшихся советом из представителей верхушки знати и жречества. Они же являлись хранителями религиозного закона. Слово иудей с этого времени стало означать не столько принадлежность к нации, сколько к общине. Ездра потребовал от ее членов неукоснительного соблюдения заповедей Торы, запретил смешанные браки, превратив Израиль в своего рода национально-религиозную касту.

Разрушенный Навуходоносором Иерусалимский храм был восстановлен в 516 г. до н.э. и стал центром притяжения и символом единения познавших тяготы вавилонского пленения иудеев. Храмовый комплекс неоднократно расширялся и перестраивался. И к концу I в. до н.э. представлял собой строго организованное ритуальное пространство. По периметру площади Храмовой горы располагались крытые галереи, где находились торговцы, продававшие животных и птиц для жертвоприношений. Там же менялы и сборщики принимали различные платежи. На площадь могли приходиться не только иудеи, но и неевреи: для них существовали специальные ворота с западной стороны (это единственные ворота, сохранившиеся до сегодняшнего дня в уцелевшей части Храмового комплекса – «Стене Плача»).

На ступенях, ведущих вверх, стояли таблички, предупреждавшие о том, что «нечистые», приблизившиеся к Храму будут сами повинны в своей смерти. Дальше, по пологим лестницам к возвышающимся площадкам, окружавшим Храм, могли подниматься только иудеи, совершившие обряд очищения. Ступени вели к квадратному женскому двору, рядом с которым находился двор прокаженных, где собирались и приносили жертвы излечившиеся от болезни. Ближе к храму располагались дровяной и масляный двор, хранившие запасы освященного масла и вина. Неподалеку располагался двор назореев – аскетов, которые помимо исполнения обычных предписаний, брали на себя дополнительные временные обеты: не пить вина, не произносить ни единого слова, не стричь волосы и другое. Следующая лестница вела к двору «приносящих жертву», над которым возвышался двор левитов. Именно это пространство предназначалось для жертвоприношений. Здесь находился жертвенник и бронзовый киор, в котором священники омывали руки до локтей и ноги до колен. У самого входа в Храм находилось здание синедриона. Храм не предназначался для молитв, в него не могли входить рядовые иудеи, такое право было предоставлено только священникам.

Главной формой богослужения были ежедневные жертвоприношения. В праздники в жертву приносили десятки животных, а один раз в году – на праздник Песах – количество жертв достигало сотен тысяч. В эти дни огромная территория перед Храмом была залита потоками жертвенной крови. По окончании празднеств открывались специальные ворота, и площадь заливалась водой, которая затем вместе с кровью сгонялась в ущелье Кедрон. В дни праздников в Храмовом комплексе собирались не только иудеи Иерусалима, но и сотни тысяч паломников из других городов и районов. Поражающий своими размерами, величием и красотой Иерусалимский храм, сложенный из огромных каменных глыб, отделанных разноцветным мрамором, казался вечным и незыблемым. Вся религиозная жизнь иудеев так или иначе была связана с Храмом.

Второе разрушение Иерусалимского храма в 70 г. н.э. и последовавшее за этим осквернение римлянами Храмовой горы стало поворотным моментом в истории иудаизма. Мечта о будущем восстановлении Храма, вокруг которого когда-нибудь объединится весь народ Яхве, отныне станет одной из доминант иудейского религиозного сознания. А единственный уцелевший фрагмент древнего Иерусалимского храма, так называемая «Стена Плача», у которой будет совершаться коллективная молитва, станет знаком изгнания, символом надежды и местом паломничества.

После разрушения Иерусалимского храма важную роль в иудаизме стала играть **синагога**. Служители синагог – **раввины** (от древнеевр. «рабби» – *учитель*) – не считались священниками, они были проповедниками и толкователями Торы. Раввины не были членами одного рода, законоучителем мог стать любой знаток Торы. И именно на них возлагалось отныне духовное руководство иудейскими общинами, так как все храмовые службы и жертвоприношения отменялись. Задача раввина – установление связи божественного откровения с человеческой жизнью. Он должен не только приобщать прихожан к соблюдению божественных заповедей, но и следить за исполнением установленных галахических норм, объясняющих как накормить и приютить гостя, помочь бедному, поддерживать благотворительность, помогать всем нуждающимся евреям, навещать больных и т.п.

Синагоги теперь становились не только местом собрания общины, но и местом новых богослужений, принципиально отличающихся от тех, что совершались в Иерусалимском храме. В этих богослужениях чтение, истолкование и комментирование священных текстов стало доминировать над остальными проявлениями религиозности.

Первые синагоги (греч. – *собрания*) возникли в IV в. до н.э. как особые дома для собраний членов общин, находящихся вне Иерусалима. Синагога была домом молитвы, где вслух читалась Тора и произносились проповеди. Архитектура синагог менялась в зависимости от времени и места постройки, однако ковчег, где хранились свитки Торы, всегда был ориентирован по направлению к Иерусалиму. Над ковчегом часто помещали дощечки, представляющие Десять Заповедей двумя первыми словами каждой заповеди. В синагоге всегда горят свечи или масляные светильники как символ постоянного присутствия Бога. Эти светильники напоминают верующим о золотом светильнике-семисвечнике, который всегда горел в Иерусалимском храме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.